

ЕСЕИРНЯЙ ИЛЮСТРЯШІ

№ 947. Годъ XIX.

7-го марта 1887 г.

Томъ XXXVII. № 11.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

СУББОТНЯЯ ДУША.

Психологический этюдъ на археологической подкладкѣ.

Н. Аксакова.

Четыреста лѣтъ тому назадъ лучи заходящаго солнца освѣщали точно такъ же, какъ и теперь, быстрыя волны широкаго Рейна, — отражались точно такъ же, какъ и теперь, на величественномъ куполѣ нынѣ ужъ древняго, а тогда еще новаго и въ своемъ родѣ молодаго майнцскаго собора, пронизываясь черезъ живопись цѣбѣнныхъ его стеколь. Прерываясь кровлями церквей и высокихъ домовъ, проникали они и въ почти несуществующій уже теперь жицковскій кварталъ и проливали тамъ жиденскій сѣйтъ въ узкое пространство между домами, похожее на коридоръ, хотя и носящее громкое название улицы. Строиться шире не позволяло евреямъ пространство, отведенное городомъ для еврейскаго населенія, которое плодилось и множилось, руководствуясь только своими совершенно особенными статистическими законами, да кромѣ того увеличивалось еще ежегодно новыми пришельцами изъ тѣхъ мѣстностей и городовъ, откуда евреи изгонялись поголовно. Въ Майнцѣ за это время, благодаря крупнымъ взносамъ въ епископскую казну, евреямъ разрѣшено было жить, хотя по временамъ благочестивое населеніе и возставало противъ враговъ имени Христова и, не стѣняясь, проливало кровь ихъ. Въ тотъ самый годъ, къ которому относится нашъ разсказъ, ворота еврейскаго квартала въ Майнцѣ должны были широко растроиться для того, чтобы впустить въ узкіе его переходы и тѣсныя жилища многочисленныхъ изгнаниковъ изъ соѣднаго Вормса, гдѣ только-что совершилась страшная кровавая расправа, гдѣ еврейскій кварталъ выжженъ былъ до тла и откуда предписано было выселиться всѣмъ евреямъ, за исключениемъ, разумѣется, только тѣхъ, которые, не успѣвъ спастись за благовременно, погибли въ пламени своихъ жилищъ, поднимая руки къ небу и взглазшая оттуда: «слушай, Израиль! Господь Богъ твой — Го-

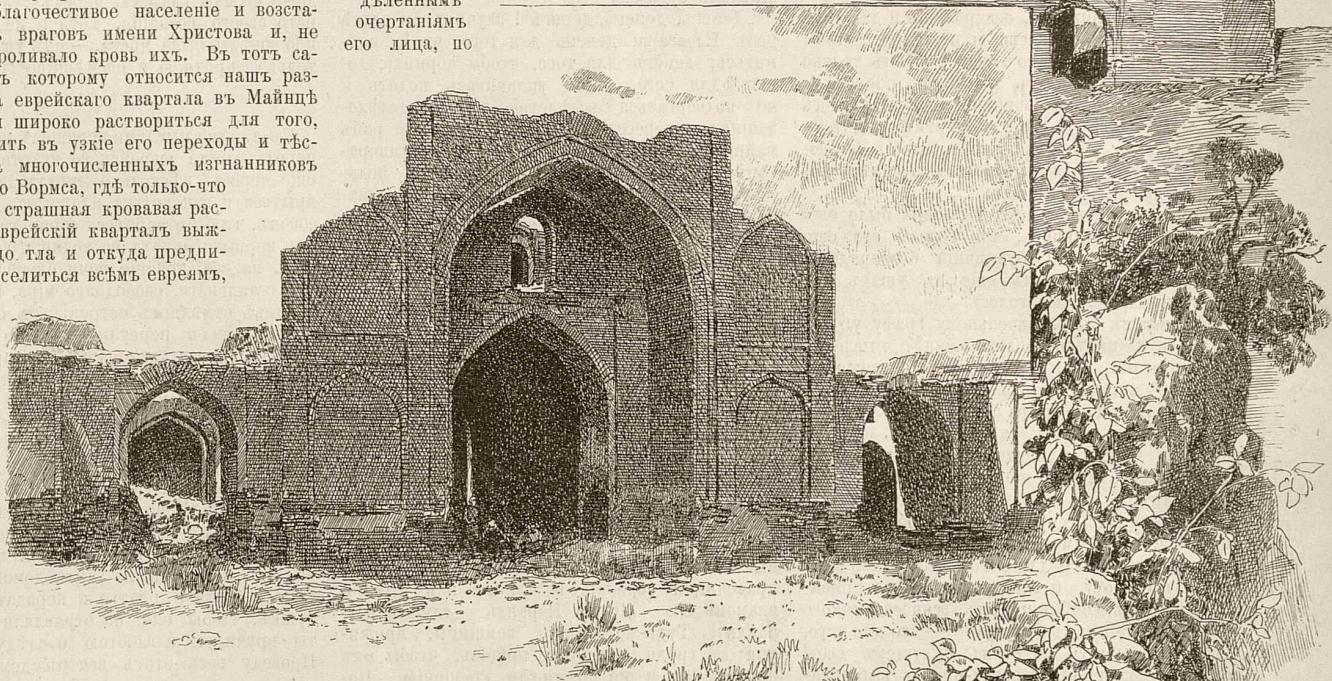
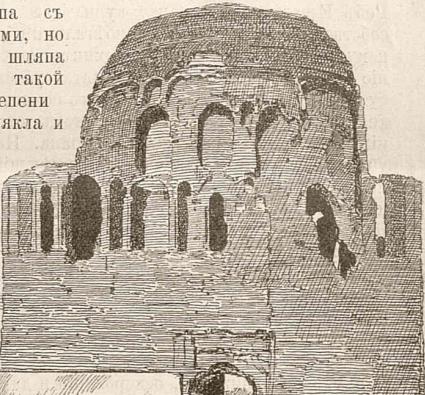
сподъ единий!» что, какъ известно, составляетъ предсмертную молитву евреевъ. Мы позабыли было сказать, что у еврейскаго квартала или гетто ворота были не аллегоріей только, а дѣйствительныемъ воротами, которыя заирались съ наступленіемъ каждого вечера, вслѣдствіе чего еврейскій кварталъ представлялся совершенно особынными городкомъ, съ своими особынными законами, своимъ управлѣніемъ и своею, еврейскою полиціею. Въ него врывалось только насилие.

Въ описываемый нами вечеръ къ этимъ-то именно воротамъ съ прилегающей къ Рейну части христіанскаго города быстрыми и торопливыми шагами направлялся небольшаго роста, худощавый и до-нельзя бѣдно одѣтый человѣкъ, въ которомъ безъ всякаго труда съ первого же разу можно было отличить еврея.

То былъ одинъ изъ недавнихъ вормскихъ изгнаниковъ, пять лѣтъ тому назадъ прибывшій туда изъ какого-то другаго, отдаленнаго германскаго городка вмѣстѣ съ значительною частью внезапно выгнанного оттуда же еврейскаго населенія.

Ребѣ Елеазарѣ — такъ звали нашего еврея — испыталъ на вѣку своемъ уже не малое количество такихъ насильственныхъ переселеній и этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется то нищенское состояніе, въ которомъ мы его застаемъ. Нищета эта была причиной того, что о еврейскомъ происхожденіи его можно было заключать только по национально определеннымъ очертаніямъ его лица, по

болѣе нежели черными волосамиъ его и глазамиъ, а никакъ не по лохмотьямъ, въ которые былъ одѣтъ онъ и которые могли принадлежать нищему любой национальности. Передъ этими лохмотьями оказывались безсильными всѣ предписанія христіанской администраціи города, принесавшей, какъ и почти повсемѣстно въ то времѧ, особенный, унизительный мундиръ для евреевъ, какъ ради того, чтобы они всегда могли быть съ первого же взгляда отличимы отъ христіанъ, такъ и преимущественно ради того, чтобы они всегда сами сознавали и чувствовали свое униженіе. Но всѣ эти постановленія для ребѣ Елеазара какъ бы вовсе не существовали. Правда, на немъ была узаконенная администраціей шляпа съ рогами, но эта шляпа до такой степени размякла и

Развалины мечети среди развалинъ гор. Байрамъ-Али.
Памятникъ надъ могилой Султанъ-Санджара въ развалинахъ гор. того-же названія.

Виды Закаспійской области. — Байрамъ-Али и Султанъ-Санджаръ.

Съ фотографіей бр. Кондратенко рисов. А. Шильдеръ.

ной, во-первыхъ, потому что и сама госпожа Мануйленко не знала толкомъ, чего ей именно надо, а, во-вторыхъ, и потому, что изъ старыхъ патриціевъ кругомъ почти никого не осталось; мелкопомѣстной же тѣль своя рубашка была ближе къ тѣлу. Всѣ эти бывшіе чиновники, поповичи, даже сыщики изъ отставкѣ отлично покушали у Мануйленко, съ удивленіемъ выслушали ее потомъ и, ничего не понявъ, приложились къ ея ручкѣ и разѣхались по домамъ. Результатъ всего этого былъ одинъ — результатъ неожиданный: недѣліи черезъ полторы послѣ этого знаменитаго собранія Марья Васильевна получила отъ губернатора, своего пріятеля, посланіе, въ которомъ онъ между прочимъ сообщалъ ей: «что это вы задумали такое не-понятное для вашихъ сосѣдей? Очевидно, очень они всполошились, потому что я получилъ отъ нихъ два анонимныхъ письма, изъ которыхъ посылаю вамъ одно наиболѣе характерное». Письмо это оказалось доносомъ. Видимое дѣло отставной поповичи или сыщики сообщали губернатору, что ея превосходительство, госпожа Мануйленко, привезъ ихъ къ себѣ и угостила ихъ яствами и пирогами, склоняла затѣмъ къ учрежденію законопреступного тайного общества, къ ниспроверженію и колебанию основъ направленного, посему оная Мануйленко обѣщала имъ даже свое покровительство въ Петербургѣ и говорила, что самые превозвѣшенные тамошніе сановники уже къ сему

Извѣстный гинекологъ, профессоръ Карлъ Шредеръ,
† 8-го февраля н. ст.

высшихъ первыхъ въ государствѣ сановниковъ весьма опасается, то имени своего открыть не желаетъ, а просить губернатора назначить тайного слѣдователя, и буде доносъ его окажется справедливымъ, то тогда онъ, яко оказавшій отечеству своему немаловажную услугу, явится въ свое время за наградой. Для того же, чтобы сомнѣній въ его личности не было, онъ сохранитъ у себя уголокъ отъ бумаги, на которой написано это письмо, и, предъявивъ его, такъ сказать, удостовѣритъ свою личность.

Послѣ этого Мануйленко была совсѣмъ обезкуражена.

Она даже струсила на первыхъ порахъ, но потомъ Бичуринъ ее «разговорили».

— Кто бы это могъ быть?

— Я почти навѣрно знаю, отозвался управляющій.

— Именно?

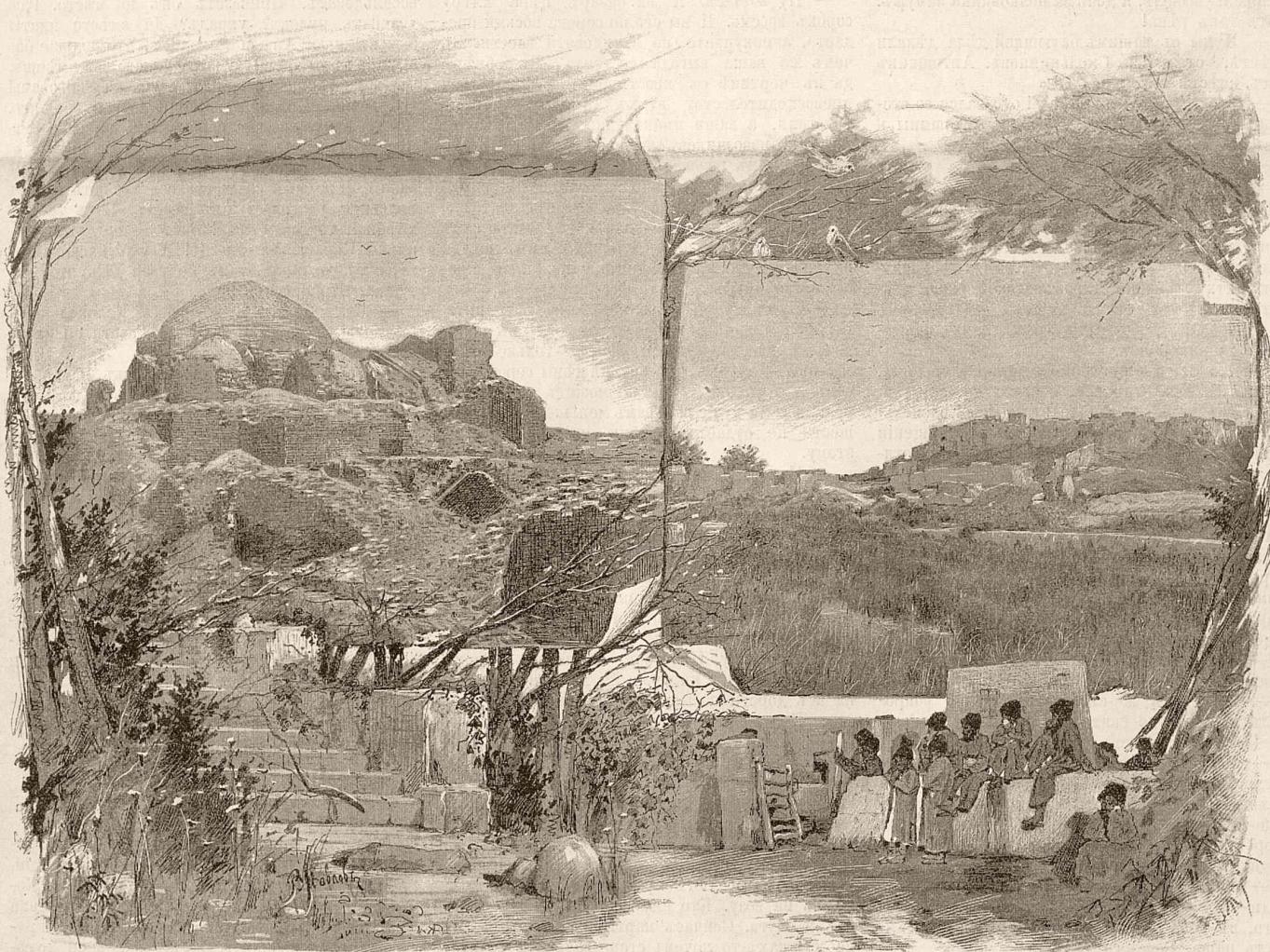
— Да и екто иной, какъ господинъ Монументовъ. Онъ у насъ въ семинаріи доносами отличался, да и теперь немало сельскихъ учителей и такъ молодыхъ людей, жившихъ здѣсь, своими доносами перегубилъ. Одна дѣвушка — милое и хорошее созданіе — изъ-за этого негодяя даже застѣлилась.

— Вы его почеркъ знаете?

— Да; позвольте взглянуть. Это онъ, онъ, Монументовъ, и не кто иной.

— Вы въ этомъ совершенно увѣрены? спросилъ младшій Бичуринъ.

— Какъ же! Какъ въ томъ, что у меня на правой руцѣ перстень сейчасъ есть.

Байрамъ-Али. Развалины мечети.

Текинское село Шильганъ на курганицѣ, обнесенное стѣною.
Текинцы въ селѣ Юсуфъ-Хана, слушающіе музыку кавк. казачаго полка

Виды Закаспійской области. — Байрамъ-Али, Юсуфъ-Хана и Шильганъ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. В. Павловъ.

Офицерская улица въ Асхабадѣ.

Развалины мечети въ укрѣплении Дурунъ.

Базарная улица въ Асхабадѣ.

Виды Закаспійской области. — Асхабадъ и Дурунъ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. И. Гречаниновъ.

рый приходится роднымъ племянникомъ князю Татарскому, и тетка его замужемъ за графомъ Повалищевымъ и т. д., слѣдовало перечисление всѣхъ связей и родныхъ юнаго гвардейца. Въ заключеніе письма генералъ Мануйленко сообщилъ, что у Повалищева состояніе, обезпечивающее правильный годовой доходъ въ пятьдесятъ тысячъ. Между прочимъ генераль писалъ сестрѣ, что ему было-бы очень желательно видѣть Марсю замужемъ за Повалищевымъ, что послѣдній видѣлъ у него портретъ племянницы и сходитъ стыма по ней, что почва готова и т. д.; этой части письма она не сообщила Марсю, только ужъ очень пѣжна сѣдалась съ ней.

(Продолженіе будетъ.)

Поѣзда по Закаспійской области.

I.

Совершившееся въ началѣ 1884 года присоединеніе Мерсекаго оазиса къ русскимъ владѣніямъ поставило Закаспійскую область въ еще болѣе близкое соприкосновеніе съ соѣднными странами средней Азіи и тѣмъ, разумѣется, расширило мирные задачи нашей администраціи въ этой окраинѣ. Необходимо было прежде всего ознакомиться съ новыми нашими подданными, условиями ихъ быта, выяснить экономическая потребности ихъ населенія, призванного теперь къ мирной жизни, организовать наиболѣе соответствующее его понятіямъ управление и принять мѣры къ обезспеченію и развитию дружескихъ торговъ сношений съ прилегающими къ вновь присоединенной территоріи мѣстностями.

Для непосредственного изученія всѣхъ вопросовъ и установления затѣмъ руководящей программы дѣятельности мѣстной администраціи г. главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга предпринялъ въ апрѣль 1884 года поѣздку въ Закаспійский край съ намѣреніемъ поѣхать тедженскій и мерсекій оазисы. Ниже помѣщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о путешесвії князя А. М. Дондукова-Корсакова, который одновременно послужилъ объяснительнымъ текстомъ къ ряду рисунковъ изъ Закаспійской области, помѣщаемъ которыхъ мы начинаяемъ съ настоящаго нумера.

15-го апрѣля вечеромъ главноначальствующій выѣхалъ изъ Тифлиса на экстренномъ поѣздѣ въ сопровожденіи нѣколькіхъ лицъ и на другой день въ полдень прибылъ въ Баку, гдѣ оставался до вечера для выслушанія докладовъ губернатора.

Въ 10/4 часовъ князь выѣхѣлъ съ сопровождавшими его чинами перѣѣхалъ на кавказскій пароходъ „Шахтъ-Насръ-Эддинъ“, который въ 5 часовъ утра 17-го апрѣля снялся съ якоря и взялъ направление къ острову Рау, лежащему въ Красноводскомъ заливе, въ 40 къ югу отъ Красноводска. Сѣверный вордъ, дувшій въ теченіи двухъ предшествовавшихъ сутокъ и лишь немногимъ стихій въ день отѣзда, развелъ на морѣ довольно значительную зыбь, а потому плаваніе сопровождалось довольно чувствителною качкою.

Въ 5 часовъ утра, 18-го апрѣля, пароходъ „Шахтъ-Насръ-Эддинъ“, пройдя въ серединѣ между мысами Красноводскимъ и Куфальджа, отстоющими другъ отъ друга въ 20 и составляющими какъ-бы ворота въ Красноводскомъ заливе, бросилъ якорь, не имѣя возможности, вслѣдствіе мелководія, продолжать путь въ Михайловскій заливъ. На этомъ пути могутъ ходить лишь мелкосидящія суда, такъ какъ глубина Михайловскаго и Красноводскаго заливовъ къ югу отъ этого мѣста достигаетъ въ рѣдкихъ случаѣахъ 13 фут., а чаще менѣе этого числа (7—8 фут.). Эта причина вынуждаетъ содергать для сообщеній между Красноводскомъ и Михайловскимъ укрывленіемъ особые не глубоко сидящіе военные пароходы. Одинъ изъ нихъ, пароходъ „Красноводскъ“, новѣйшей конструкціи шотландской отѣлки, прибылъ въ 7 часовъ къ назначенному мѣсту у острова Рау и, отсалютировавъ установленнымъ числомъ выстrelовъ флага главноначальствующаго, принялъ его сіятельство со свитою на бортъ.

Дальнѣйшій путь нашъ шелъ между рядомъ острововъ съ запада и берегомъ азіатскаго материка съ востока. На сѣверѣ, въ 40—50, обрисовывались во мглѣ хребты Хуба-дагъ и Куранынъ-Кары, за которыми живутъ туркмены-юмыды племени Шихъ. На востокѣ, неудалѣкъ отъ нашего пути, видѣлись ряды холмиковъ на цѣпи острововъ и на полуостровѣ Дарджа; тотъ же характеръ представляли островъ Челекенъ и материкъ. Всѧ эта однообразная картина нѣсколько оживлялась однопарусной фелюгой и баржей съ нефтью, привозимой изъ

Баку для надобностей закаспійской желѣзной дороги. По мѣрѣ движенія парохода мимо насыпей мелькнули слѣва одинъ за другимъ острова: Рау, Кюсокли, Гургюлю, Клычъ, Узунъ-ада, Быкъ-Мамедъ, Когъ, Кумаръ и Марышъ, отъ котораго путь сворачиваетъ въ Михайловскій заливъ. Съ правой же стороны на-шего пути лежали острова: Бугульяръ, Ай-Кизиль, Рейхардъ и другіе безименные, а за ними материкъ и узкий Михайловскій полуостровъ, за которымъ лежитъ бухта Култуку-узунъ съ весьма мелкимъ про-ливомъ въ 2—3 фута.

Всѣ эти острова и берега имѣютъ видъ невысокихъ песчаныхъ холмовъ, поросшихъ рѣдкимъ кустарникомъ саксульника, и совершенно необита-мы, за исключеніемъ полуострова Дарджа и острова Челекенъ, на которыхъ находятся до 200 кибитокъ туркменъ, занимающихъ рыбной ловлею и добывачею соли и нефти. На островѣ Челекенѣ сдѣлано 14 буровыхъ скважинъ для нефти г. Падашковскимъ и 2 г. Нобелемъ; одна изъ скважинъ Нобеля давала даже фонтанъ. Вы蓬勃, въ настоящее время эти сооруженія не дѣйствуютъ, такъ какъ нефть, привозимая изъ Баку, обходится дешевле, чѣмъ добыва-мая на Челекенѣ.

Въ 2½ часа полудни, 18-го апрѣля, пароходъ „Красноводскъ“ остановился у пристани Михайлов-скаго залива, исходнаго пункта Закаспійской желѣзной дороги. Здѣсь, на длинной деревянной пристани, главноначальствующій былъ встрѣченъ начальникомъ закаспійской области, генераль-лейтенантомъ А. В. Комаровскимъ, почетнымъ карапуломъ отъ желѣзно-дорожнаго батальона и многими лицами мѣстной администраціи. Экстренный поѣздъ, управляемый чинами названаго батальона, былъ поданъ на пристань, сажень за 60 отъ станціи.

Послѣ краткой остановки у Михайловской желѣзно-дорожной станціи, окруженной небольшимъ числомъ построекъ, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе опрѣсенітель, доставляющій воду почти на всѣ станции дороги, побѣзъ двинулся и шелъ со срединою скоростью 40 верстъ въ часъ. Сыпучие пески, образовавшіе цѣлу систему довольно высокихъ (до 10—20 саж. надъ поверхностью моря) холмовъ, по-росшихъ саксульникомъ, придавали унылый характеръ окружающей мѣстности. Сильный вѣтеръ несъ цѣлыхъ тучи песка и пыли. Вершины холмовъ казались дымящимися вслѣдствіе переносимаго вѣтромъ песка съ одной покатости холма на другую. Въ вагонахъ стояла высокая температура, освѣжилъ которую не представлялось никакой возможности, такъ какъ въ отворенныхъ двери или окна вносились массы пыли. Приходилось мириться съ духотою. Не добѣжалъ станицы Молла-кары дорога пересѣкаетъ старое русло Аму-Дары, въ которомъ стояла небольшая вода, какъ говорятъ, остатокъ дошедшаго нѣкогда сюда морскаго залива. Станция Молла-карь расположена среди песковъ, которые продолжаются еще верстъ на 10—20; затѣмъ полотно желѣзной дороги пролегаетъ по твердой, глинисто-песчаной почвѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Наши художественные выставки.

I.

Выставка картинъ Ролана Бодуэна.

(Большая Морская улица.)

Осмотрѣвшіи выставку г. Бодуэна, удивляемъся его смѣлости. Въ самомъ дѣлѣ, нужно быть очень смѣлымъ, чтобы съ подобными якобы художественными произведеніями явиться въ чужую страну пожинать лавры. Безотрадное впечатлѣніе производитъ на зрителя эта выставка чего-то безсмысличнаго, бездушного и пошлого. Г. Бодуэнъ — у насъ въ Россіи мало известнаго белгійскаго художника — хорошо владѣетъ кистью, даже если хотятъ виртуозъ техническій; но на что онъ употребляетъ свою технику: вся выставка состоитъ изъ небольшихъ этюдовъ женскихъ головокъ (исключая трехъ вѣшей). Всѣ эти *красавицы* не имѣютъ никакого выраженія; иѣтъ въ нихъ ни мысли, ни характера. Всѣ онъ имѣютъ одинъ общий типъ женщины разгульной, капканной жизни. Лица этихъ *красавицъ* написаны однотонно, безколоритно, шаблонно. Право, такъ и кажется, что все это расписаны фотографическіе снимки. Названія этихъ картинъ вполнѣ оправдываютъ все мною сказанное о нихъ. Вотъ онъ эти *красавицы*: „Лаура“, „Ирма“, „Берта“, „Роза“, „Лола“, „Бетти“, „Бланшъ“, „Эмма“, „Кара“, „Фина“, „Петта“, „Шарлота“, „Гуліа“, „Тилли“, „Одеть“. Рекламировалъ ихъ что-ли г. Бодуэнъ. Кромѣ упомянутыхъ красавицъ есть на выставкѣ еще три картины довольно плохія. Две

изъ нихъ: „La pêche“ и „Rêverie“. На каждой картинѣ корсетная дѣвица въ лакированной лодѣ. Одна сидѣть и удить рыбу; другая полулежитъ и на нее смотрятъ лебеди, подплывшіе къ лодѣ. Обѣ дѣвицы очень деревянны. Обѣ портретно похожи одна на другую, только въ различныхъ пластикахъ. Обѣ не имѣютъ никакого выраженія. Картины не гармоничны и непріятны по колориту. И композиторъ плохой г. Бодуэнъ. Еще есть картина, изображающая какую-то куку въ какой-то галлерѣ; эта картина даже и по технике слаба. Съ тѣжелыми, досадливыми чувствами выходишь съ этой выставки. И что думалъ г. Бодуэнъ, отправляя эти картины въ Россію?

RS. Еще замѣтка о картинѣ г. Клевера (см. „Всем. Иллюстрац.“ № 944, 14-го февраля).

Въ двадцатыхъ числахъ февраля картина „Лѣсной царь“ выставлена была при дневномъ свѣтѣ. Жаль, что художникъ не выставилъ такъ свое произведение съ самаго начала выставки. Картина очень измѣнилась при дневномъ свѣтѣ и измѣнилась не въ пользу. Днемъ она гораздо холоднѣе по тону и неѣтъ того сочетанія въ красахъ, которое было при ламповомъ освѣщеніи. При дневномъ свѣтѣ луна и небо не въ гармонии съ нижней частью картины — землею. Г. Клеверъ и г. Собко издали листокъ съ рисункомъ картины „Лѣсной царь“ и съ стихотвореніемъ Гёте въ оригинальѣ Жуковскаго. На этомъ листѣ подъ рисункомъ сказано: „Лѣсной царь“. Рис. съ картины проф. Клевера — Самокинъ“. А въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ помѣщена этотъ же самый рисунокъ, какъ исполненный съ наброска самого автора картины. Кому вѣрить? Полагаю, что скорѣ можно повѣрить изданию г. Клевера.

II.

Выставка картинъ въ пользу Александровской больницы (собственность частныхъ лицъ).

(Большая Морская улица, д. № 109.)

Благотворительная выставка картинъ, собраныхъ отъ частныхъ лицъ, включаетъ въ себѣ до 60-ти картинъ; между которыми есть выдающиеся произведения живописи. Преобладаютъ картины иностраннѣхъ художниковъ. Поражаютъ своими художественными достоинствами картины Кнауза „Я подожду“. Картина эта безспорно перва на выставкѣ. Картина небольшая, съ одной фигурой старика; но что это за фигура. Это живой человѣкъ. Голова написана чрезвычайно правдиво. Въ этой живописи, въ этомъ присоединеніи чутъ не геніальной кисти есть что то святое. Такъ можетъ прискать кистью только человѣкъ награжденный высшими дарами природы. Такимъ человѣкомъ вполне можетъ гордиться нѣмецкій народъ. Тутъ есть на что посмотреть, есть чему поучиться. Какъ сильно затрагиваетъ самое хорошее въ душѣ зрителя такая картина. Побольше бы такихъ произведеній и почаще бы смотрѣть ихъ. Какой душевный отдыхъ, какое эстетическое наслажденіе!

Хороша также картина Габріэля Макса „Мученица на престолѣ“. По всей картины пролита чрезвычайно пріятная гармонія красокъ. Картина вся выдержана въ сѣренкомъ тонѣ, что вполнѣ соѣтствуетъ склонности и дає должное впечатлѣніе. Написана мастерски и нѣжно. Не совсѣмъ реально, но за то точно рисовано. Въ общемъ тонѣ картины много поззи.

Хорошо написана картина Берн-Белькура „Наполеонъ въ Фонтенблѣ“, по ней вѣрь очень непріятна фигура одного изъ генераловъ, наклонившагося какъ бокомъ къ Наполеону.

„Купальщица“ — Кемерера, красивая композиція и лицо написаны. Въ общемъ же колоритъ картины есть что то ложное.

Дефрегера — неудачная вещь попала на выставку, по этой картины совсѣмъ нельзя судить о колорите даровитаго художника, жанриста тирольской жизни.

Шапленъ тоже не хороши; его картина, хотя и довольно большая, но не даетъ того приятного впечатлѣнія и той прелести въ изображеніи женской фигуры, съ которыми онъ выступаетъ въ большинствѣ своихъ картинъ.

Хорошая вещь Вольте. Изъ иностраннѣхъ картинъ еще слѣдуетъ: Винеа, Добини — небольшой пейзажикъ, хорошо написанный, но зелень по колориту; Грюйтнеръ, Зейтцъ, Шевиллардъ, Тодтъ, Цимъ, Бейшлагъ, Геблеръ, О. Ахенбахъ, Лихартъ, Кауфманъ, Вольтцъ, Кронбергеръ, Якобсонъ, Макартъ, Зипель и др.

Картины русскихъ художниковъ: Крамскаго, Харlamova, Орловскаго, Клевера, Шишкова, Якоби, Рубо, Волкова, Кившенко, М. К. Клодта, Дюкера, Пахитонова, Судковскаго, Кунинди и др.

Хорошо написанный и пріятный по колориту женскій портретъ Крамскаго производитъ очень отрад-

АСЕИРНІЙ МІЛОСТЯЩІЙ

№ 948. Годъ XIX.]

14-го марта 1887 г.

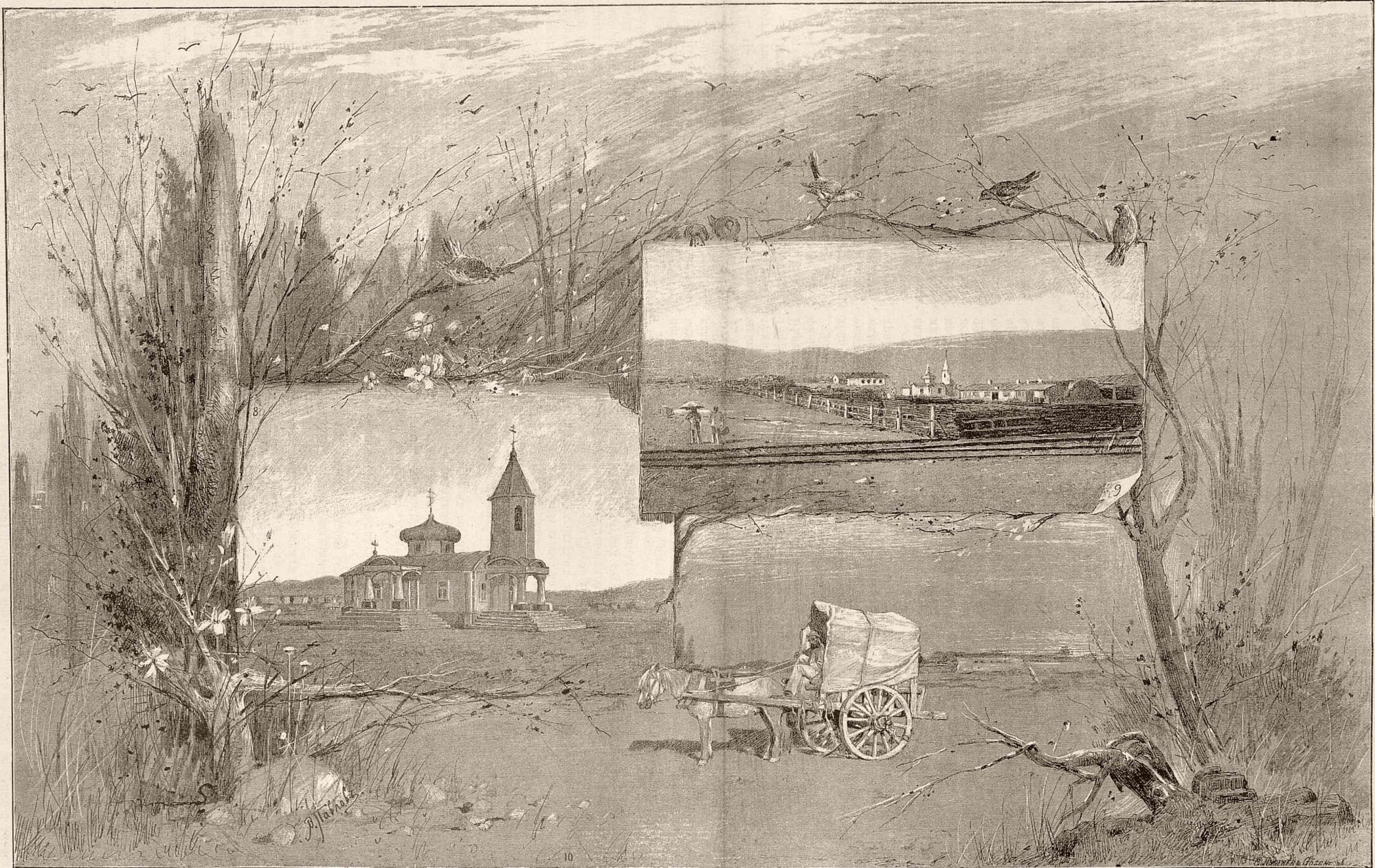
[Томъ XXXVIII. № 12.

■ ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ■

Иностранные художники. — Иисусъ, несущій крестъ свой.

Гравюра съ вновь открытой картины Леонардо да-Винчи.

Церковь въ Кизиль-Арватъ.

Видъ на Кизиль-Арватъ.
Употребительнѣйшій экипажъ для перехода между Асхабадомъ и Сераксомъ.

Виды Закаспійской области. — Кизиль-Арватъ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. В. Павловъ.

слезъ за нее, ни фарисейской любви къ ней, ничего того, словомъ, что такъ характеризуетъ цѣлое почлище современныхъ поэтическихъ пигмееевъ. Тутъ нѣтъ ни эпиграфій, ни посвященій, ни обычныхъ посланий, „къ ней“; нѣтъ ни воспоминаній о прошломъ, ни ожиданій будущаго. Однако, что-же вдохновляетъ этого поэта, умалчивающаго обо всемъ, что такъ усердно воспѣвали его предшественники и сверстники? Но нужно говориться. Въ цѣлой массѣ стихотворений, вошедшихъ въ сборникъ, есть избранные совершенно неудачныхъ, много невыдержаныхъ, страдающихъ растянутостью и, конечно, не по этическимъ слабымъ вещамъ мы намѣрены судить о сильныхъ сторонахъ несомнѣнаго дарованія. На сѣть нѣтъ ничего совершенного и даже на солнцѣ, какъ известно, есть темная пятна; но они не мѣшаютъ намъ пользоваться его свѣтломъ и его теплотою, и мы великолѣпно прощаемъ ему его маленькие недостатки. Все, чѣмъ можно упрекнуть г. Фофанова, это — маленькая неразборчивость въ составѣ книги, что однако же избытокъ оправдываетъ желаніемъ молодаго поэта собрать, по возможности, всѣ плоды своихъ вдохновеній. Итакъ, въ чѣмъ же заключается его сила? какова его поэтическая физіономія и весь складъ его отношеній къ миру? Но пусть онъ говорить самъ за себя. Возьмемъ одно изъ грациозныхъ стихотворений, помѣщающееся на страницѣ 66-й:

Как-то ночью очень поздно
Я гулялъ въ саду безъ цѣли.
Было тихо... было звѣздно...

Соловьевъ въ кустахъ запѣлъ,
Соловьевъ въ кустахъ запѣлъ,
Я от聆нулся имъ пѣсней;
Мѣнѣ въ отѣѣ первыхъ трели
Попили еще чудесны.

И внимали намъ соѣдѣ —
Бѣлостольныя березы,
И отъ занѣсти ихъ вѣтки
Тихо смигали слезы.

Какая позаѣя, музыка и живопись! Что можетъ быть проще этого и вмѣстѣ съ тѣмъ фантастичнѣе! Какая прелестная связь явленій, замкнутыхъ въ картины весенней ночи! Какую высокую гармонію приобрѣтаютъ эти явленія, отразившись въ душѣ поэта! Соловинныя трели и плачущія березы. Что общаго между ними? Въ чѣмъ ихъ позаѣя? Она не можетъ заключаться въ голыхъ фактахъ, въ сущности очень обыденныхъ, но сопоставленіе и взаимодѣйствіе ихъ оригинально, мило, почти наивно, и это фантастично-сироное ихъ освѣщеніе невольно сообщаетъ знакомой картины како-то новый ореолъ. Или вотъ еще образчикъ этой пѣжной фантазіи:

Ива стъ дубомъ, мечтай, расли у пруда.
Дубъ тинулъ все къ небу прекрасномъ,
Гдѣ веселыя звѣзды подъ вечеръ всегда
Зажигались сѣять миру страстному.
Ива винѣ наклонилась къ зеркальнымъ струямъ,
Къ тѣмъ струямъ, что свѣтила несмѣтна
Огражали въ себѣ по осенинѣ почамъ,
Да журчали сказанія привѣтныя.
Не доросъ дубъ до твердъ небесъ голубой,
Ива вѣтвь зеленыя выгнула
И коснулась воды, и омылась водой,
А горячихъ свѣтиль не достигнула.

Сколько человѣчности въ этомъ чуткомъ пониманіи природы, сколько жизни и какъ бы невысказавшейся мысли поэтъ угадываетъ въ ея величавомъ молчаніи. Что ни слово — то новый образъ, не говоря уже о звучной мелодіи стиха. Какая сжатость и вмѣстѣ съ тѣмъ какая сила! Ничего лишн资料, все въ мѣру. Отбросьте какую-нибудь подробность, какой-нибудь эпитет — и вся картина поблѣдѣнетъ въ своей волшебной живописности. Собственно говоря, въ подобныхъ вѣщахъ, исполненныхъ внутренней позаѣи содержанія, вѣнчанія форма отходитъ на второй планъ. Разсыпьте эти стихи, переложите ихъ въ прозу, и какова бы она ни была — впечатлѣніе не измѣнится. Противъ такой пѣтии могутъ устоять лишь очень немногіи стихотворенія во всей нашей поэзіи, а въ книжкѣ г. Фофанова мы находимъ ихъ не одно. Такъ, на стр. 145-й помѣщена сказка „Каменотесь“. Въ книжкѣ она занимаетъ добрая три страницы, и потому намъ приходится отказаться отъ желанія выписать ее дословно. Но вотъ ся содержаніе. Каменотесь, не разъ мечтавший о славѣ и богатствѣ, заслышилъ и во снѣ видѣть себя царемъ. Онъ окружены смѣренными рабами, несущими его на пишущихъ ногахъ, и все покорствуетъ его державной волѣ. Только налиющее солнце не щадитъ его: жаждетъ горячай и оглыняетъ взоръ. И вотъ царь позавидовалъ солнцу, и небеса услышали его молитву.

Но однажды солнце затмилось тяжелой тучей и горячо возвратилось на свое бѣзсилье.

О, небеса, зачѣмъ я только солнце,
Не лучше-ль быть властительницѣ-тучей!

И небеса услышали молитву: солнце разлилось въ тучу, грянулъ громъ, запрядалъ градъ и разырѣнныя воды океана съ рычаніемъ поползли къ задумчивой скалѣ, которая спокойно возвышалась, какъ-бы сѣясь надъ бѣшенствомъ волнъ. И туча въ зависти волкликнула:

О, небеса, зачѣмъ я не скала!

Туча стала гордою скалою. Однако ея покой продолжался недолго. Несокрушимая для воли, она почувствовала разрушительные удары, которые ей наносилъ молот каменотеса. Скала позадиѣвалась могучему ничтожеству этого человѣка. Небо вняло ея молитвѣ... и въ эту минуту каменотесъ проснулся. Онъ вспомнилъ все, какъ онъ былъ царемъ и солнцемъ, и тучею и, наконецъ, скалою...

И, вспомнивъ все, онъ трудъ благословилъ
И, молотъ взялъ въ молосистыя руки,
Промолвилъ онъ съ задумчивой улыбкой:
„У каждого могущество свое“.

И заключительный аккордъ этой пѣски не составляетъ никакого диссонанса съ цѣлымъ міросорешнителемъ поэта. Сколько свѣтъ, и жизни, и мысли и любви онъ находитъ тамъ, гдѣ другіе видѣть только леденцы сумерки.

Покуда я живу — вселенная сїяетъ,
Умрь — со мной умретъ бѣзгнетно она...

говорить онъ и остается вѣренъ этимъ словамъ. Въ ней, въ этой сїющей вселенной, онъ черпаетъ бодрость духа, энергию жизни, а съ нею вмѣстѣ и горячую привязанность къ настоящему. Онъ не оглядывается на прошлое, не заглядываетъ въ будущее, онъ еще не имѣетъ воспоминаній и не нуждается въ надеждахъ. Онъ еще не понесъ ни тяжелыхъ утратъ, ни горькихъ разочарованій, онъ еще полонъ благоговѣнія созерцанія красоты мѣра, и его пѣсни слагаются въ гимны и въ дифирамбы.

Мы начали нашу замѣтку ссылкой на два господствующихъ течениія русской поэзіи. Мы указали на тенденцію шестидесятыхъ годовъ и на ее духовную связь съ лермонтовской позѣей міровой скорби. Мы отмѣтили начинающійся возвратъ къ традиціямъ Пушкина. Мы очертимъ музу г. Фофанова и теперь должны поставить его въ число самыхъ блестящихъ послѣдователей пушкинской школы. Но ина слава солнцу и ина слава звѣздамъ. Та изумительная универсальность, та глубина поэтической мысли, та высоко художническая объективность, которая ставить Пушкина въ ряды величайшихъ міровыхъ геніевъ, лишь въ слабой степени отразились въ произведеніяхъ молодаго поэта. Его будущая дѣятельность точнѣе опредѣлить и его положеніе въ исторіи нашей литературы. Остается опасаться только, что синь поэта можетъ временемъ стать его недостаткомъ. Обнѣлѣ фантазіи, развивалась далѣе, можетъ легко перейти въ мистицизмъ и суевѣріе, которые нарушаютъ равновѣсіе поэтическихъ элементовъ еще неокрѣпшаго таланта. Къ сожалѣнію, иѣкоторые симптомы болѣзни развиваются воображенія скаживаются уже и теперь. Многіе вещи, которыхъ мы не привели, нѣрѣдко переходятъ границы возможнаго и даже понятнаго. Но пора кончить. Мы очертимъ позѣю г. Фофанова преимущественно съ ея блестящей, лицевой стороны, и если въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ много поверхностнаго и ошибочнаго, то пусть другіе, болѣе призванные, дополнять и поправлять насъ.

А. К.-оѣ.

Поѣзда по Закаспійской области.

II.

Въ сѣверу отъ дороги, въ неравныхъ разстояніяхъ отъ нея, тянутся голыя Балханская горы довольно значительной высоты. Далѣе, на сѣмѣ Балханскаго хребта, теряющагося въ равнинѣ, появляются такія же горы, но съ юго-восточной стороны и не оставляютъ уже дороги до самаго Кизыль-Арвата, конечнаго пункта Закаспійской желѣзной дороги. Прибывъ на эту станцію около полуночи и переночевавъ въ вагонѣ, главноначальствующій съ сопровождавшими его лицами выѣхалъ 19-го апраля, въ 6 часовъ утра, далѣе въ экипажахъ, на лошадяхъ, специально для того приготовленныхъ, такъ какъ дѣлъ то не существовало еще пассажирскаго почтоваго сообщенія между Кизыль-Арватомъ и Асхабадомъ, и всѣмъѣдующимъ приходилось совершать этотъ путь на таратайкахъ при посредствѣ промышленниковъ, преимущественно армянъ, бравшихъ за 216-тиверстное разстояніе до Асхабада не менѣе 60 рублей съ повозки. Теперь съ открытиемъ желѣзной дороги дѣятельность этого рода экипажей перешла на путь отъ Кахка къ Серахсу и Мерзу.

Вопросъ о правильномъ почтовомъ и пассажирскомъ сообщеніи въ Закаспійскомъ краѣ, разрѣшившись въ нынѣшнемъ году проложеніемъ желѣзной дороги, еще полгода тому назадъ, составилъ самый существенный пробѣлъ въ удобствахъ жизни въ области. Полгода тому назадъ слѣдующіе по казенной надобности призначены были платить чутъ не въ два и три раза болѣе противъ отпускавшихъ имъ по положенію прогоновъ.

Дорога наша отъ Кизыль-Арвата до Бами шла по

пустынной каменистой мѣстности, которая только на 32-й верстѣ, у сел. Коиды, нѣсколько оживляется небольшими пашнями, воздѣльваемыми мѣстными жителями; далѣе на 15-ти-верстномъ разстояніи тянется пустыня вилотъ до сел. Бами. Здѣсь, какъ у пункта бывшаго скопленія войскъ, остало значительное число торговцевъ, обзавѣвшихся глиняными болѣе или менѣе удобными постройками. Въ день нашего приѣзда всѣ они были украшены флагами въ вѣзы знаѢи привѣтствія главноначальствующаго.

Поздоровавшись съ жителями-текинцами, въ числѣ которыхъ находился старій сынъ бывшаго защитника Гекъ-Тепе, умершаго Тыкма-сардара, и разспросивъ бамискихъ торговцевъ о ходѣ ихъ дѣлъ, главноначальствующій принялъ почетный карауль отъ 5-го закаспійскаго стрѣльковаго батальона и послѣ завтрака подъ небольшой группой деревьевъ продолжалъ путь. Къ вечеру мы прибыли къ казачьему посту Дурунъ, во дворѣ котораго стоять довольно хорошо сохранившаяся мечеть.

Въ 9 час. вечеромъ мы достигли Гекъ-Тепе — мѣста расположения 2-го закаспійскаго стрѣльковаго батальона, гдѣ устроена была почлегъ. На другое утро, 20-го апраля, главноначальствующій осматривалъ вновь возвѣденный казармы, примѣненный къ климатическимъ условіямъ области. Такого же типа казармы устроены и въ Асхабадѣ для 3-го стрѣльковаго батальона. До此刻 времени никакіе чины помѣщались въ небольшихъ мазанкахъ, что естественно представляло многое серьезныя неудобствъ. Остается еще желать, чтобы въ казармахъ нового типа были устроены деревянные или асфальтовые полы вмѣсто глиняныхъ, которые даютъ очень много пыли. Настоящее расположение штаб-квартиры Гекъ-Тепе привѣтуетъ ущелья Гермѣль, изъ которого всегда дуетъ ходовой вѣтеръ, пылью признать удачными, какъ вслѣдствіе поднимаемой этими вѣтрами пыли, такъ и по причинѣ вызываемыхъ ими простудныхъ болѣзней. По мнѣнію военно-медицинскаго инспектора, весьма удобное мѣсто для стоянки войскъ могло бы быть избрано у подошвы горъ, въ верстѣ отъ настоящаго расположения, по направлению къ Асхабаду.

Отъ штаб-квартиры Гекъ-Тепе, лежащей въ 12-ти верстахъ къ юго-западу отъ знаменитаго техинскаго укрепленія того же имени, до Асхабада расположилось довольно густое населеніе, представители которого выходили на встрѣчу главноначальствующему. Населеніе это повидимому вполнѣ довольно настоящимъ своимъ положеніемъ, такъ какъ, по словамъ жителей, трехлѣтній миръ и спокойствіе въ этой странѣ дали имъ возможность, не боясь ежеминутно за свою жизнь и цѣлостъ имущества, развить свое скотоводство и расширить свои земельные участки. Главноначальствующій, благодаря жителямъ за привѣтствія, соѣтвалъ имъ при каждой встрѣчѣ разумно пользоваться своимъ настоящимъ обезпечениемъ положеніемъ для улучшіи своего благосостоянія и быть честными подданными Государа.

Въ 11 часовъ утра того же дня состоялся вѣзѣдъ главноначальствующаго въ Асхабадѣ, въ которомъ по маршруту назначались дѣлѣ дневки. При вѣзѣдѣ въ городъ устроены были триумфальные ворота съ надписью: „отъ русскаго асхабадскаго общества князя А. М. Дондукову-Корсакову“. Здѣсь представители горожанъ привѣтствовали князя хлыбомъ-солью. Жители близайшихъ окрестныхъ селений увеличиваютъ собою массу народа, собирающагося встрѣчать главноначальствующаго. Его сіятельство остановился въ домѣ полковника Муратова, на Офицерской улицѣ, насчитывающей до 10-ти — 15-ти очень приличныхъ на видъ одноэтажныхъ домиковъ; кроме нихъ въ Асхабадѣ найдется еще десятка три хорошо отстроенныхъ домовъ. Всѣ они, будучи новы, смотрятъ весело, свѣтло. Дома въ этомъ городѣ обходятся вообще недорого, такъ какъ кладутся изъ небожженаго кирпича, весьма вязкой глины и кроются камышомъ, связываемымъ тою же глиной. Деревянныхъ половъ очень мало, потому что доски, доставляемыя изъ Астрахани, обходятся очень дорого. Для штукатурки имѣется прекрасная гажа и потому дома внутри отдѣлываются стѣнами изъ двухъ — трехъ работаютъ съ небольшимъ капиталомъ и разсчитываются на тароватость русскаго офицера и солдата. Текинцы для здѣшнихъ торговцевъ плохіе потребители, ибо обходятся своими мѣстными средствами. Къ тому же изъ городѣ всякой рода торговцевъ гдѣ болѣе или идуть очень мало. Большимъ подрывомъ для здѣшнихъ мелкихъ торговцевъ служитъ московская фирма Конинса, торгующая онтами; оборотъ ея, по утвержденію армянъ-торговцевъ, достигаетъ до 30—40 тысячъ въ недѣлю и совершаются главнымъ образомъ съ Персією.

Здѣни въ Асхабадѣ много: при каждомъ почти дому имѣются хорошенький садикъ и кромѣ того городской садъ для общественныхъ гуляній съ лѣтней театральной сценой и эстрадой для танцевъ; въ крѣ-

ности же помѣщается клубъ, гдѣ еженедѣльно собирается асхабадское, преимущественно военное, общество.

(Продолжение будетъ.)

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ.

Выставка картинъ въ императорской академіи художествъ.

I.

Говорить — большая выставка въ нынѣшнемъ году въ академіи художествъ. И дѣйствительно большая: до 400 номеровъ. Но по существу право было бы лучше, отраднѣе, если бы она не имѣла такого громадного числа *нумеровъ*. Вѣдь сколько тамъ такихъ вещей, которыхъ не должны были быть на выставкѣ, которая портитъ выставку которая не даютъ возможности зрителю видѣть цѣлое, хорошее впечатлѣніе, которая засоряютъ глаза смотрящаго и заглушаютъ собою маленький талантливый картины. Нѣкоторые думаютъ, что хороши картины еще больше выигрываютъ, находясь между плохими, что они еще больше будутъ сидѣть между художественными хламомъ, что моль золото и въ грязь блеститъ; но вѣдь никто же умыселенно не бросаетъ золота въ грязь. И, позвольте вѣсѣ спросить, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ цѣѣтникъ, даже изъ самыхъ лучшихъ цѣѣтниковъ, заросший, заглушенный сорняками травами? Вѣдь вы, я думаю, не скоро разсмотрите цѣѣтники и не скоро отыщете лучшіе экземпляры, да еще при этомъ обожгетесь нѣсколько разъ крапивой, что конечно не доставитъ вамъ удовольствія, не говорю ужъ о наслажденіи; и не отдохнете вы въ такомъ цѣѣтнике, а напротивъ вы страшно устанете, если возьмете на себя труда отыскать и разсмотреть всѣ цѣѣтники, заглушенные нахальными бурьянами. Но не бурьян тутъ виноватъ, а тотъ хозяинъ, которому принадлежитъ цѣѣтникъ, и тотъ или тѣ садовники, которые должны смотрѣть за цѣѣтниками, должны вырывать сорняки травы. Нельзя похвалить также садовника и за то, что онъ не слѣмѣтъ толково размѣстить цѣѣтники такъ, чтѣко-которые экземпляры почти невозможно замѣтить, разсмотреть. Гуляете вы вокругъ клумбъ, засматриваете то съ одной, то съ другой стороны, вытягиваетесь, чтобы разсмотретьъ что-то интересное, но маленькое, посаженное внутри клумбы и окруженнное большими цѣѣтниками. Несмотря на всѣ ваши старанія, вы не можете разсмотретьъ этого интереснаго растеніца и начинаете сердиться и обвинять садовника за неумѣлую разсадку цѣѣтниковъ. Но довольно погуляли въ заглохшемъ цѣѣтнике, устали, измучились. На выставку теперь.

Опять нѣкоторыя странности не даютъ говорить о каждой картинѣ отдельно. Ну, скажите, пожалуйста, чѣмъ вы объясняете стѣнущее: накапнувшись академической выставки было нѣсколько отдельныхъ выставокъ въ Петербургѣ, т. е. нѣкоторыя художники отдельно, самостоятельно дѣлали выставки только изъ своихъ произведений и это входило въ плату, и всѣ петербуржцы, интересующіеся искусствомъ, сѣчили на эти выставки, не желая пропустить ихъ, боясь не увидѣть больше этихъ произведений (выставки эти имѣли большой успѣхъ). Теперь мы видимъ тѣ же самыя произведения и на академической выставкѣ. А мнѣ еще говорили, что по правиламъ академическихъ выставокъ произведение, бывшее на другой какой-либо выставкѣ, не принимается. Вотъ тутъ и вѣрь тому, что говорятъ! Значитъ, не всегда въ академіи на выставкѣ увидишь произведение въ первый разъ. «Нѣтъ, гг. художники, не надуете больше. Теперь не пойдемъ на отдельную выставку, а подождемъ академической, увидимъ и здѣсь ваши картины!» Этотъ разговоръ я слышала въ академіи на выставкѣ. Господа, зачѣмъ же позволяютъ говорить подобныя вещи! Два раза былъ на выставкѣ и все не могъ найти картину г. Бурова — «Императоръ Петръ I посыпаетъ въ казематѣ Петропавловской крѣпости князя Матвѣя Гагарина, бывшаго сибирскаго губернатора, въ іюнѣ 1721 года». Такое длинное название картины; скажетъ исторический; полагаю — картина не малой величины и не могу найти. Вотъ что значить много *нумеровъ*! А, можетъ быть, ее и въ самомъ дѣлѣ нѣть на выставкѣ; тогда зачѣмъ же она помѣщена въ каталогѣ? Вѣдь не помѣщаются же въ каталогѣ картины, не принятыхъ на выставку. Да должно быть и не было такихъ картинъ, которыхъ не приняты. Вѣдь тутъ все зависѣтъ отъ желанія автора, ну, а кто же самъ пожелаетъ, чтобы его картину не приняли. Напр. нѣкоторые изъ учениковъ академии

пожелали помѣстить свои картины на выставку и помѣстили. И, судя по достоинству картинъ, они помѣстили ихъ только потому, что пожелали.

Вообще не понимаю, зачѣмъ на большихъ годичныхъ академическихъ выставкахъ являются работы учениковъ (академистовъ) академіи. Вѣдь для показыванія ученическихъ работъ есть специальная выставка ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Или полагаютъ, что можно украсить выставку нѣкоторыми ученическими работами, такъ это ошибочно, потому что сами работы доказываютъ противное. Прежде этого избѣгали, и никто отъ этого не страдалъ — ни ученики, ни публика. А теперь много фамилий учениковъ, много совсѣмъ новыѣхъ фамилий *любителей-художниковъ* мало хорошихъ, серьезныхъ произведеній. Прочитавши въ газетахъ объявление о выставкѣ въ академіи художествъ и узнавши изъ этого объявленія, что эта выставка имѣтъ два каталога — одинъ простой и другой иллюстрированный — пріобрѣтаю оба; хотя необходимо сказать, что иллюстрированное изданіе (въ газетномъ объявленіи ошибка, должно быть, была), и дѣйствительно это не каталогъ, а альбомъ, составленный изъ нѣсколькихъ картинъ выставки и одной добавочной (не имѣющейся на выставкѣ), которую я видѣлъ года 3—4 тому назадъ выставленной въ Петербургѣ; картина эта Г. И. Семирадского — „La source ou la femme“? И странно, когда я подошелъ къ мѣсту, где продаются входные билеты и каталоги и, увидѣвъ отдельную группу иллюстрированного издания, принялъ его за иллюстрированный каталогъ, къ которому приставленъ специальный предисловіе, и спросилъ *илюстрированный каталогъ*, то продающій любезно подалъ мнѣ изданіе съ надписью „Альбомъ академической выставки“. Изъ деликатности я, конечно, не сказалъ, что я спрашивалъ не то и что мнѣ нуженъ каталогъ, а не альбомъ, заплатилъ 1 рубль и началъ разматривать изданіе, въ концѣ которого есть „алфавитный указатель академической выставки“. Вдругъ: „Лучшевъ, С. И. 166. Болгары Никита Романовичъ обзываютъ Анна Васильчиковой рушение царя о ссылкѣ ея въ Суздалъский монастырь“.

Начинаю припомнить — пѣть такой картины на выставкѣ. Справляюсь по дѣйствительному каталогу — въ немъ тоже пѣть. Смотрю дальше: „Шарлеманъ, А. Г. 265. Бой подъ Горнымъ Дубникомъ (12-го октября 1877 г.)“. Помню и этой картины нѣть на выставкѣ. Опять спрашиваю по каталогу дѣйствительному — пѣть и тамъ. Потомъ на первой страницѣ альбома къ тексту предисловія приложенъ рисунокъ первомъ г. Самокицъ, изображающій двухъ артиллеристовъ съ пушкой и запряженными лошадьми, смотрящихъ на трубача, садящагося на лошадь. Въ срединѣ этого рисунка четырехугольная вырубка, въ которой отпечатано слово предисловіе. Согласитесь, вѣдь нельзя же предположить, что художникъ, рисуя артиллеристовъ, думалъ о предисловіи къ альбому академической выставки. Значитъ просто очень удачно подобрали слѣдійный рисунокъ къ предисловію. Курьезное изданіе! На покрышки альбома выставлена фамилия „Ф. И. Булаковъ“. Невольно является вопросъ: съ какой цѣлью и для чего изданъ этотъ *альбомъ*?

(Продолжение будетъ.)

О П Е Ч А Т К И.

Въ № 947, на страницѣ 219, въ статьѣ „Наши художественные выставки“, въ третьемъ столбѣ, на 28-й строкѣ, вместо слова „оригиналъ“ слѣдуетъ читать *чертежъ*.

Въ томъ-же столбѣ, строка 37 снизу, вместо „мученица на престолѣ“ слѣдуетъ читать *христіанская мученица*.

Асланъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЗОРЪНІЕ

9-го (21-го) марта 1887 г.

Все, что мы можемъ сказать здѣсь о наиболѣе выдающемся и сенсационнѣи событии нашей внутренней политики за прошлую недѣлю, ограничивается конечно тѣмъ официальными сѣѣтѣніями, которая дошли о немъ до русской публики. Во минувшую среду, 4-го марта, „Правительственный Вѣстникъ“ напечаталъ краткое уѣдомленіе, что три дня тому назадъ, въ воскресенье, 1-го марта, на Невскомъ прѣсторѣ были арестованы около 11-ти часовъ утра три студента здѣшнаго университета, у которыхъ при обыске были найдены разрывные снаряды съ динамитомъ и наполненными трихиномъ свинцовыми пулями, и что арестованные сознались въ принадлежности къ тайному преступному сообществу. Городские слухи, быстро распространявшіе еще на другой день послѣ задержанія этихъ злодѣевъ, называли правда ихъ имена и указывали весьма опредѣленно на

ихъ происхожденіе, но никакое официальное извѣстіе не подтвердило этихъ слуховъ, равно какъ и другихъ, имѣвшихъ съ ними прямое сопоставленіе. Три дня спустя изъ того же „Правительственного Вѣстника“ стало извѣстно, что въ пятницу, 6-го марта, ректоръ с.-петербургскаго университета сообразъ всѣхъ студентовъ этого высшаго уѣбнаго заведенія въ университетской актовой залѣ и въ присутствіи попечителя петербургскаго учебнаго округа, его помощника, а равно и всѣхъ профессоровъ произнесъ краснорѣчиву, глубоко взволнованную рѣчу о необходимости очистить университетъ отъ постигшаго его позора подаче корпоративного всеподданнѣйшаго адресса, протестующаго противъ гнуснаго дѣла, совершенного время только въ нынѣшнемъ году вступившимъ въ университетскую семью студентами. Предложеніе ректора было принято съ восторгомъ всѣми присутствующими, всенѣло раздѣлившими очевидно чувство краснорѣчиваго оратора.

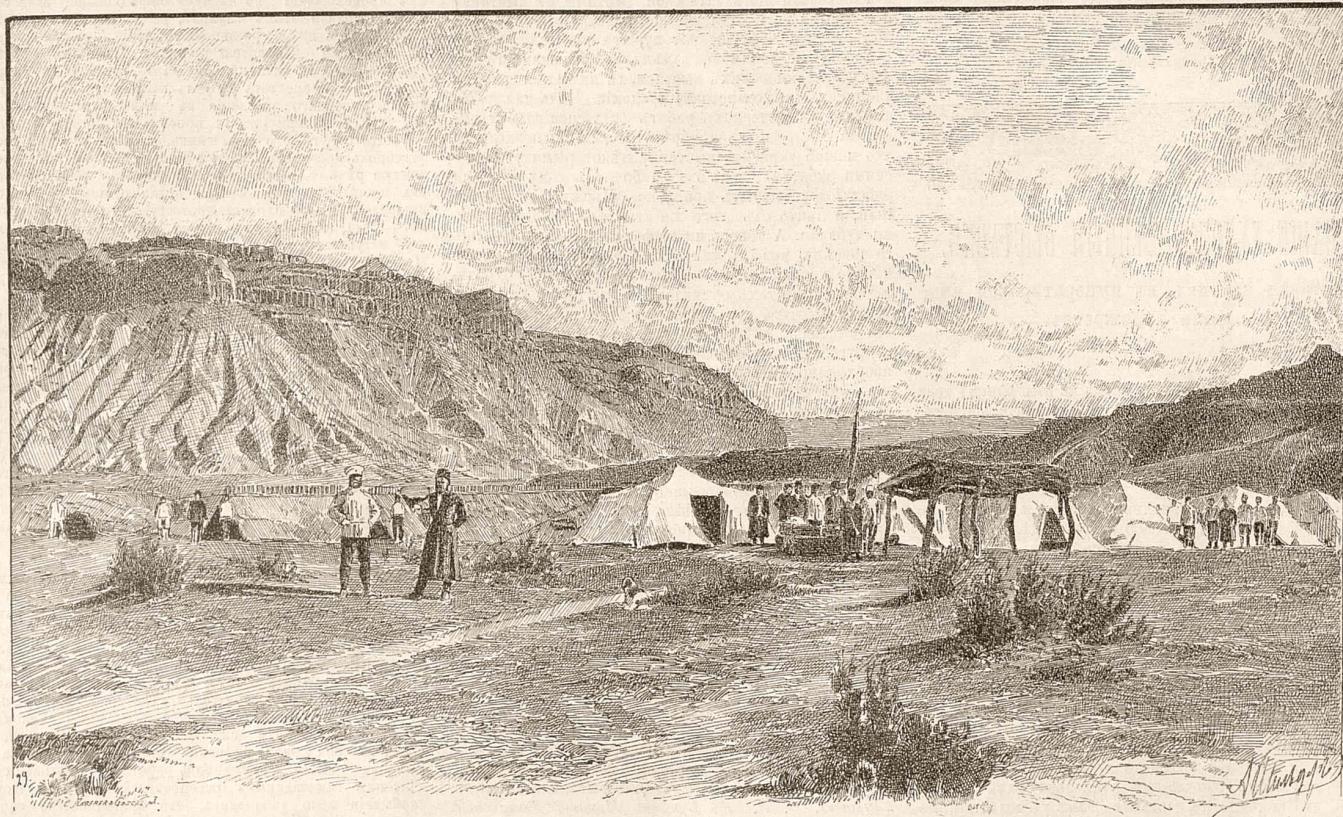
Днемъ позже въ томъ же „Правительственномъ Вѣстнике“ было напечатано всеподданнѣйшее адрессъ жителей одной казацкой станицы земли Войска Донскаго, изъ котораго стало извѣстно, что какой-то казацкий офицеръ Черновъ дерзнулъ „выразить свое недовольство“ противъ правительства и верховной власти. Земляки этого Чернова, глубоко негодуя на такой поступокъ, умоляли въ своемъ адрессѣ Державнаго поѣвлителя Россіи не считать ихъ хотя бы въ чёмъ-нибудь солидарными съ гнобимыемъ безумцемъ и дозволить имъ переименовать одно изъ селеній станицы, носящее имя „поселка Чернова“, замѣнивъ его именемъ „поселка Николаевскаго“. Адрессъ подписанъ его составителями еще 13-го февраля и относится очевидно къ факту, не находящемуся въ прямой связи съ арестами 1-го марта.

Нужно-ли говорить о томъ, что упомянутые аресты вызвали въ заграницѣ печати самые нѣлѣніе толки и комментаріи? Въ этихъ глупыхъ и гнусныхъ толкахъ приняла по общему дѣятельное участіе и берлинская печать какъ разъ около того времени, когда въ начальѣ нынѣшней недѣли во всѣхъ петербургскіхъ газетахъ появилось въ одинъ и тотъ же день правительственное сообщеніе, опровергавшее толки нѣкоторыхъ нашихъ periodическихъ изданій о томъ, что германскіе дипломатическіе представители въ Болгаріи слишкомъ поздно взяли на себя защиту русскихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ попытку вооруженного протеста противъ софійскихъ самозванныхъ регентовъ. Общий тонъ этого сообщенія ясно указываетъ, что правительство наше рѣзко не одобряетъ отзыва русской печати, не сочувственіе

Два дня передъ тѣмъ, въ пятницу, 6 марта, изъ Петербурга отправились въ Берлинъ икторирамъ изъ членовъ царствующаго дома для присутствованія на торжественномъ празднованіи дня рождения императора Вильгельма, которому минеть 90 лѣтъ отъ роду въ вторникъ на нынѣшней недѣльѣ 10-го (22-го) марта. Мы уже говорили въ нашей предыдущей хроникѣ о необычайной многочисленности сѣѣза царственныхъ особы на этотъ семейный праздникъ Гогенцоллерновъ. Примѣры достоинія иллюстраций изъ царственныхъ особы на этотъ праздникъ 10-го (22-го) марта являются государемъ, пользующимся всеобщимъ сочувствіемъ и уважениемъ, умѣшій довести свою страну на степень международнаго величія, о которой четвертъ вѣка назадъ не синовалъ еще германскій народъ. Нельзя, однако же не упомянуть, что берлинскому торжеству предшествовали довольно странные слухи негодованія изъ какихъ-то весьма загадочныхъ источниковъ. Сначала пущено было извѣстіе о намѣреніи императора Вильгельма отрѣчаться отъ престола въ самый день своего рожденія, потому англійскіе газеты стали уѣвѣрять, что въ этотъ день германскій императоръ приѣзжаетъ въ Англию, чтобы назначить соправителемъ его драгоценаго отца, и что всѣдѣствіе такого назначенія берлинская политика примѣтъ оборотъ болѣе, чѣмъ нынѣ, благопріятный политическимъ планамъ нынѣшнаго британскаго правительства... Мы пишемъ наканунѣ берлинскаго праздника 10-го (22-го) марта, но вѣдѣли ошибемся, утверждая еще сегодня, что всѣ вышеупомянутые слухи негодованія изъ какихъ-то весьма загадочныхъ источниковъ.

День 10-го (22-го) марта наступаетъ при значительномъ ослабѣвшемъ напряженіи взаимныхъ интересовъ Германіи и Франціи. Съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ Берлинѣ знаменитый Лесенсъ, нѣсколько разъ видѣвшійся съ императоромъ Вильгельмомъ и съ княземъ Бисмаркомъ, все чаще и чаще стали раздѣваться съ разныхъ сторонъ уѣвѣрія, что опасность франко-германской войны миновала. Нельзя, однако же не замѣтить, что въ официальной берлинской печати стали за послѣднѣе дни рѣзко упрекать Францію въ томъ, что она относится несочувственно къ сохраненію королевы Гумбертомъ во власти министерства Депретиса-Робилана. При этомъ дѣлаются довольно недвусмысленные намеки, что въ Парижѣ желаютъ замѣнѣть этого министерства министерствомъ Криспіи не потому, что оно сочувствовало бы болѣе Франціи, чѣмъ Германіи, но потому, что г. Криспіи — республиканецъ, и что французы будто бы желаютъ низвергнуть Савойской династіи и вообще являются врагами монархическаго начала въ Европѣ. Такія обвиненія очень похожи на новую попытку изолировать Францію, лишивъ ее симпатіи всѣхъ монархическихъ наций.

Что же касается до сохраненія власти министерствомъ Депретиса-Робилана, для чего пришлося прѣбѣгнуть къ пристановкѣ засѣданій итальянскаго парламента, то общий голосъ европейскихъ политическихъ кружковъ связываетъ рѣшеніе, принятное королемъ Гумбертомъ, съ возобновленіемъ трайстеннаго союза Италии съ Германіей и Австро-Венгрией. Всегда этотъ фактъ подтверждается недавнимъ пожалованіемъ *высшаго* прусскаго ордена Черного Орла итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Робилану, и такъ какъ всѣмъ хорошо известно, что германо-австро-итальянскій союзъ

Виды Закаспійской области. — Зюльфагарскій проходъ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. А. Шильдеръ.

направленій противъ Франції, то и нельзя сличкомъ удивляться, что возникновеніе такого союза не возбуждаетъ особеннаго удовольствія въ Парижѣ, совершенно независимо отъ вопроса о будущемъ формѣ правлениія въ Италии.

Во внутренней политикѣ Франціи на прошлой недѣлѣ не замѣчалось особыхъ оживленій. Послѣ того, какъ г. Фердинандъ Лессенъ вернулся изъ Берлина, появилась, правда, кое-какіе признаки интриги, направленной къ тому, чтобы заставить выйти въ отставку непріятнаго Германіи военного министра генерала Буланже; но изъ этихъ попытокъ, кажется, ничего не вышло, потому

что въ настоящую минуту всѣ возникшіе было слухи снова смолкли.

Въ Австро-Венгрии умы значительно успокоились за послѣдніе семь дней. Вѣнская и пештская печать перестала грозиться вооруженнымъ противодѣйствіемъ императору Габсбурговъ скромнымъ требованіемъ Россіи по болгарскому вопросу. Она начинаетъ даже заговаривать о совокупномъ дѣйствіи Вѣны и Петербурга въ решеніи этого вопроса, хотя и не указываетъ ясно, на какой почѣ можетъ установиться такая совокупность.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что происходящее въ Болгаріи вовсе не указываетъ на то, чтобы

въ Софіи имѣли поводъ ожидать чего-либо подобного. Тамошніе псевдо-регенты действуютъ такъ, какъ-будто они увѣрены, что никакая опасность не грозитъ узурпированному ими положенію. Они продолжаютъ вести свою анти-русскую агитацию и медлятъ даже созывомъ тирновского собрания. Порта съ своей стороны не очень торопится довести до конца переговоры, начатые съ ними комиссаромъ султана Риза-беемъ. Ходятъ даже слухи, что усилившееся за послѣдніе дни вліяніе англійскаго посла въ Константинополѣ можетъ привести турецкое правительство къ какому-то шагу, открыто благопріятнаго софийскимъ самозванцамъ.

Развалины мечети въ селеніи Анау, въ 14 в. къ вост. отъ Асхабада.

Виды Закаспійской области.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. Б. Томашевичъ.

Въ Англіи политическая жизнь находится въ небываломъ застое для нынѣшнаго периода парламентской сессіи. Палата общинъ лѣниво и со всевозможными проволочками обсуждаетъ законопроектъ о реформѣ парламентскаго дѣлопроизводства. До сихъ поръ окончательно принятъ только первая статья этого проекта, а всѣ остальные правительственные били, возвѣщенные тронной рѣчью, остаются совершенно безъ движеній. Министерство Салісбюри, очевидно, чувствуетъ невоз-

АСЕИРНІЙ ИЛЛОСТРАЦІЙ

№ 949. Годъ XIX.

21-го марта 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 13.]

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВЪ ЭТОМЪ НУМЕРЪ 20 СТРАНИЦЪ.

Русские художники. - Канунъ праздника. Сцена изъ монастырской жизни XVII вѣка.

Рисовалъ Александръ Яновъ.

Поїздка по Закаспійській області.

III.

Существеннымъ неудобствомъ для прѣѣзжающихъ въ Асхабадъ служитъ отсутствіе гостиницы, такъ что многие изъ пребывающихъ въ этотъ пунктъ находятъ себѣ временный прѣѣздъ лишь благодаря радушному гостепріимству обитателей города. Спасибо п за то, что почти въ каждой асхабадской лавкѣ, даже съ красивыми товарами, можно закупить и выпить, хотя, разумѣется, за весьма дорогую плату и невкусно.

Вечеромъ въ день прѣѣзда князя городъ былъ иллюминованъ: на базарѣ посреди улицы горѣли бочки съ сѣномъ и играли два хора военной музыки; около одного изъ нихъ помѣстились персы, по временамъ пускающіе ракеты, которыя чаще всего летѣли въверхъ, а на землю, производя перенохолъ въ гуляющей публикѣ; одна изъ ракетъ влетѣла въ средину хоры музыкантовъ и тамъ лопнула, заставивъ прекратить на половинѣ какой-то маршъ. Гулявшихъ было много, особенно персіа; текинцевъ же собралось сравнительно небольшое число; ихъ болѣе всего поразилъ воздушный шаръ, за которымъ они склонились съ усиленнымъ вниманіемъ. Среди гулявшихъ встрѣчалась не мало дамъ въ европейскомъ костюмѣ.

День 21-го апреля былъ преимущественно посвященъ главноначальствующимъ совѣщаніямъ съ начальникомъ Закаспійской области по дѣламъ управлія и будущаго устройства новыхъ нашихъ подданныхъ на Мургабѣ.

На слѣдующий день утромъ произведенъ былъ смотръ войсками, расположеннымъ въ Асхабадѣ. Несмотря на тяжелыя условия жизни и службы въ Закаспійскомъ краѣ, части войскъ представились въ отличномъ видѣ, и князь остался весьма доволенъ ихъ состояниемъ.

Вѣдь затѣмъ, въ 11 часовъ утра, передъ домомъ, занимаемымъ главноначальствующимъ, происходило торжественное принесеніе присяги на вѣрнодданство представителями туркменского племени сарыкъ. Депутація эта уже двѣ недѣли ожидала въ Асхабадѣ прибытия главноначальствующаго, чтобы узнать рѣшеніе по поданной юлатацкими сарыкъ просьбою о принятии ихъ въ русское подданство. Племя сарыкъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія занимало нынѣшній Мервскій оазисъ, откуда было вскорѣ вытѣснено туркменами Теке, и хотя въ 30-хъ годахъ сарыкъ вернулись на свою прежнюю мѣста послѣ изгнанія, но продержались тамъ не долго и въ 1857 году были вновь вытѣснены оттуда текинцами. Съ того времени сарыкъ раздѣлились на двѣ части: одна изъ нихъ возвращалась въ Іолатанѣ, на Мургабѣ же, рядомъ съ Мервскимъ оазисомъ, другая же часть заняла окрестности Пенджаля, на границѣ Авганістана. Съ добровольнымъ подчиненіемъ мерьскихъ текинцевъ Россіи юлатацкіе сарыкъ не замедлили конечно заявить о своемъ желаніи принять подданство государства, которое, принявъ заботу об установлѣніи спокойствія и порядка въ нѣкогда цвѣтущемъ Мерьскомъ оазисѣ, могло обеспечить и имъ мирную жизнь и оградить отъ стolкновеній съ прежними ихъ врагами-мервцами.

Во главѣ депутаціи юлатацкихъ сарыковъ, состоявшей изъ кетхудовъ (старшинъ), находился Сарыханъ, главный управлятель племени. Передъ принесеніемъ присяги главноначальствующій, выслушавъ отъ Сары-хана словесное изложеніе цѣли прибытия депутаціи въ Асхабадѣ, объявилъ представителямъ сарыковъ, что, какъ имъ извѣстно, у русскаго Бѣлаго царя (Аль-Падишаха) такое несмѣтное число подданныхъ и столько земли, что присоединеніе къ нимъ ничтожнаго клочка, на которомъ живутъ юлатацы въ числѣ около 8-ми тысячъ кибитокъ, не можетъ имѣть для него никакого значенія. Если же Государю угодно снизойти на просьбу сарыковъ и принять ихъ въ свое подданство, то единственно изъ особой милости къ нимъ, чтобы избавить ихъ отъ неурядицъ и даровать спокойную жизнь, которую пользуются миллионы его подданныхъ. Поэтому они должны оѣнѣть такую великую милость Аль-Падишаха и показать себѣ достойными ей, пребывая навсегда вѣрными подданными и подчиняясь распоряженіямъ властей, которыхъ будутъ установлены для ихъ же пользы. «Вѣра и обычай ваши», прибавилъ князь, «останутся неприкосновенными; вы можете молиться, какъ молились, и судиться между собою по адуату и шаріату, какъ судились до сихъ поръ; но всякий виновный въ измѣнѣ правительству, убийствѣ, разбоѣ и въ ненослушаніи властямъ будетъ безпощадно наказываться по русскимъ законамъ. Во вниманіе къ вашему неустроенному хозяйству мы на первое время избавляемъ отъ платы податей, но обязаны содергать на свой счетъ необходимое число джигитовъ для полицейской службы и исполнять всѣ работы по природнѣйшимъ сооруженіямъ. Ближайшимъ вами правителемъ оставляется впередъ до другаго распоряженія Сары-ханъ, который будетъ въ необходимости случаю передавать вамъ приказанія русскаго начальства».

Почтильно выслушавъ наставлѣнія главноначальствующаго, ханъ и кетхуды выразили благодарность за оказанную имъ Государемъ милость и общими безпрекословно подчиняются всѣмъ приказаніямъ. Всѣдѣ за тѣмъ депутація юлатацевъ въ присутствіи князя и другихъ чиновъ была приведена муллою къ присягѣ на подданство русскому Императору. По оконченіи церемоніи всѣмъ членамъ депутаціи и ихъ прислугѣ были розданы отъ имени главноначальствующаго подарки.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся въ асхабадскомъ городскомъ саду обѣдъ съ участіемъ чиновъ мѣстного управления и войскъ, а также Сары-хана, которому вѣдѣ подарка пожалована была большая серебряная ваза. Послѣ тоста за здоровье Государя Императора и царской фамилии сожженъ былъ всѣмъ удачный фейерверкъ, привлекшій на себя особые вниманіе сарыкскаго хана, который, не дождавшись оконченія обѣда, всталъ изъ-за стола, чтобы ближе любоваться интересовавшимъ его зрѣлищемъ.

Близъ города Асхабада находятся селенія того же названія. Жители-текинцы размѣтились болѣе чаюю въ биткахъ, образующихъ цѣльныи улицы. На прилагаемомъ рисунѣ можно видѣть, какъ тѣсно и неприхотливо помѣщается текинская семья со всѣмъ своимъ хозяйствомъ.

(Продолженіе будетъ.)

16-го (28-го) марта 1887 г.

Въ области нашей внутренней политики главный интерес продолжалъ сосредоточиваться и на прошлой недѣлѣ на событияхъ, о которыхъ мы уже упоминали въ нашей предыдущей хроникѣ. Мы не считаемъ конечно ни умѣтнѣи, ни возможнѣи распространяться ѳѣдѣль тѣхъ городскихъ толкахъ, которые были вызваны правительственными сообщеніемъ обѣ уличномъ арестѣ злоумышленниковъ, имѣвшихъ при себѣ разрывные снаряды, заряженные отравленными пулями. Единственныи официальныи отголоскомъ этого события съ тѣхъ поръ, какъ были обнародованы извѣстія о рѣчи ректора с.-петербургскаго университета, было сдѣланное въ началѣ пынѣйшей недѣлѣ сообщеніе самаго текста всенароднѣйшей адрессы университета высочайшей резолюціи Государя Императора, въ которой выражалась надежда, что университетъ докажетъ *на отмѣту*, а не на бумагѣ только искренность выраженныхъ имъ чувствъ.

Не считаемъ мы также приличнымъ распространяться сегодня о томъ, какъ отнеслись къ иѣкотория, весьма варочемъ немноготъ, русскія газеты къ правительству сообщенію, опровергавшему категорическимъ образомъ всѣ слухи о недостаточной внимательности германской дипломатіи къ порученнымъ ей заботливости русскимъ интересомъ въ Болгаріи. Откровено сознаемся, что для насъ совершенно непонятна странная аргументація этихъ газетъ, стремившихся создать какую-то новое не существующую двойственность въ направлѣніи нашей иностранной политики, утверждая—будто бы правительственные соображенія, ими обсужденіемъ, не тождественны съ взглядами, которыхъ держатся въ сферахъ, полнонастѣно руководившихъ судьбами нашего отечества. Немыслимость подобнаго разделенія до такой степени очевидна въ странѣ, не знающей никакого двоевластія, что всѣ намеки на что-либо подобное можно объяснить только оѣлилѣніемъ личнаго самолюбія журналистовъ, воображавшихъ себѣ поставленными въ какое-то исключительное положеніе и надѣщащими, что русское общество простить имъ неприличнѣи выходки, за которыя наѣбрѣнно подверглись его заслуженному порицанію всѣ остальные собратья этихъ не въ мѣру самонадѣяннѣи публицистовъ, забывающихъ, что прискорбный примѣръ, ими подаваемый, долженъ неизбѣжно вызвать къ западной Европѣ вовсе нежелательные для нашихъ интересовъ и для нашего политического облажа оѣланомѣбрѣнныи толки.

Все, только что сказанное нами, мы тѣмъ болѣе считаемъ себѣ вѣрѣ говорить, что въ сущности вовсе не расходимся во взглядахъ на иностранную политику газетъ, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Подобно имъ мы горячо жалеемъ, чтобы въ предстоящихъ международныхъ событияхъ Россія сохранила полную свободу дѣйствій, позволяющую ей не подчинять своихъ собственныхъ интересовъ интересамъ другихъ державъ. Разница состоится только въ томъ, что по нашему глубокому уѣждению, чѣмъ менѣе будетъ причинъ инымъ державамъ упрекать насъ въ предвзятомъ къ нимъ недоброжелательствѣ, тѣмъ спокойнѣе и свободнѣе можетъ развиваться осуществление программы вполнѣ самостоятельной русской политики. Отъ этого взгляда мы откажемся только тогда, когда намъ докажутъ неоспоримыи фактами пользу, которую могутъ принести осуществленію преслѣдемыхъ нами правительствомъѣблѣй такихъ выездокъ, какъ лишеніе фактическаго основанія упреки, сдѣланыи нѣкоторыми русскими газетами германскому дипломатическому агенту въ Болгаріи.

Въ области политики иностранной самимъ выдающимся событиемъ прошлой недѣли было конечно берлинское торжественное празднованіе 90-ї годовщины дня рождения императора Вильгельма. Мы были совершенно правы, отвергая заранѣе основательность всѣхъ слуховъ, по которымъ маѣтній государь Германіи намѣревалъ

будто бы въ этотъ торжественный день или совершилъ отречься отъ верховной власти, или раздѣлить эту власть на наследника германскаго престола. Ничего подобнаго не произошло, и Германію послѣ 10-го (22-го) марта, какъ и до этого дня, продолжаетъ всеслѣдѣть великий создатель единства имперія Гогенцоллерновъ. Отѣчъя на одно изъ привѣтствій, обращенныхъ къ нему въ день его рождения, императоръ Вильгельмъ выразилъ искреннѣе удовольствіе, внушиаемъ ему тѣмъ обстоятельствомъ, что новоизбранный германскій парламентъ имѣтъ наконецъ большинство, расположеннѣе поддерживать правительство. Князь Бисмаркъ повидому находитъ однакоже, что и въ новомъ парламентѣ оппозиція не такъ слаба, чтобы можно было преобрѣтать ея нападками. Уже на прошлой недѣлѣ берлинскія газеты, вдохновляемыи канцлеромъ, возобновили горячую полемику съ партіей „католического центра“, стремясь доказать отсутствіе истинной солидарности между этой партіею и римской куріей. Съ этой очевидно цѣлью „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ напечатала дипломатическую переписку, доказавшую, что борьба берлинскаго правительства съ католическимъ ультрамонтанствомъ началась вовсе не съ тѣхъ поръ, какъ ватиканскій соборъ 1870 года провозгласилъ догматъ папской непогрешимости, а гораздо позднѣе, когда семинаристы и партикуляристы партіи центра сумѣли сдѣлать своимъ усердными помощниками покойнаго папы Пія IX.

Эта любопытная полемика, доказывая до какой степени вязъ Бисмаркъ дорожитъ тѣмъ, чтобы вожаки партіи центра не могли провозгласить себѣ солидарными съ папскимъ престоломъ, составляетъ всѣмъ характеристический симптомъ. Германскій канцлеръ очевидно не довольствуется тѣмъ, что новый имперскій парламентъ безпрекословно принялъ военный септеннат. Онъ желаетъ добиться въ этомъ собраніи большинства, готоваго смѣло сдѣлать за него всюду, куда ему вдумается, повести народныхъ представителей Германіи, и для этого ему необходимо привлечь на свою сторону католиковъ парламента, не раздѣляющихъ политическихъ взглядовъ г. Виндгорста и единомышленниковъ съ нимъ партікуляристовъ.

Не менѣе повидому занять князь Бисмаркъ и мыслью о возобновленіи союза трехъ имперій на почѣ рѣшеннѣй болгарскаго вопроса въ смыслѣ, согласномъ съ видами Россіи. Объ этомъ возобновленіи особенно настойчивы стала говорить берлинская официозная печать послѣ того, какъ выяснилось, что заключеніе тройственнаго союза между Германіею, Австро-Венгрию и Италию оставило совершенно равнодушными какъ Францію, такъ и Россію. Надежда, возбужденная поѣздкою въ Берлинѣ г-на Лессенса, теперь уже совершенно разѣялась. Оказалось, что въ Парижѣ вѣтнѣйшая политическая сфера вовсе не расположена раздѣлать взглѣдъ Лессенса, громко объявлявшаго въ послѣднѣе времена, что Германія—естественная союзница Франції. Съ другой стороны ни въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, ни въ русскомъ обществѣ не появилось ни малѣйшей склонности думать, что возобновленій тройственнаго союза можетъ грозить намъ какою бы то ни было серьезною опасностью. Подготовленный эффектъ совершенно не удался, чѣмъ вѣроятно и объясняется вновь оживившись до лихорадочнаго напряженія берлинскаго правительства оѣобновленіи.

Такъ же забогливости наливаютъ ворочемъ обнаруживаются все сильнѣе и сильнѣе въ Вѣнѣ, где публика очень охотно даётъ даже вѣру слухамъ о какомъ-то отѣльномъ австро-руssкомъ соглашаніи по болгарскому вопросу, тогда какъ всѣ толки о ландштurmѣ и военнѣхъ приложеніяхъ как-то совершенно смолкли.

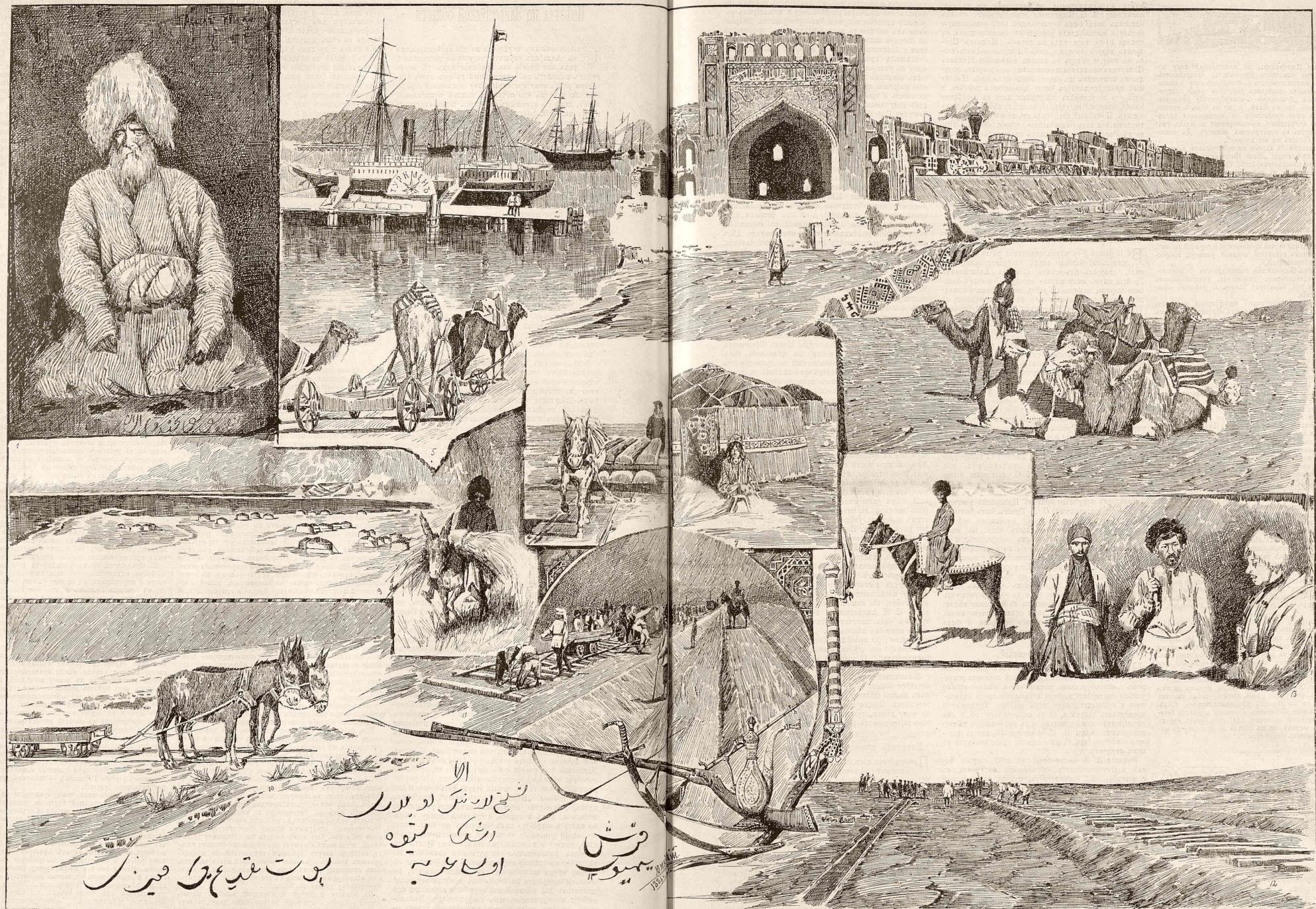
Во Франціи на прошлой недѣлѣ не произошло ничего особеннѣи выдающихся въ политическомъ смыслѣ. Всѣ толки о перемѣнахъ въ составѣ министерства, обѣ отставкѣ генерала Буланжъ и пр., совершенно прекратились. Палата депутатовъ занята обсужденіемъ запретительныхъ постановокъ на хлѣбъ и на рогатый скотъ, а министерству Гобѣ представился случай показать свою энергию распущеніемъ марселяскаго муниципальнаго союза, выказавшаго свою симпатіи парижскому коммюнѣ.

Въ Англіи парламентъ собирается приступить наконецъ къ обсужденію внесенного министерствомъ билля о мѣрахъ строгаго противъ иранскихъ націоналистовъ. Первые стычки между правительствомъ и оппозиціей кончились не въ пользу послѣдней, но еще неизѣтно, какъ пойдутъ пренія о самой сущности билля, и теперь уже видно, что правительствоѣ большинство въесьмъ слабо по своей численности.

Въ Италии не перестаетъ ходить слухи о предстоящихъ измѣненіяхъ въ составѣ министерства. Послѣднія извѣстія говорили о возможности вступленія въ кабинетъ г. Криспини въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, причемъ однакоже к. Депретисъ и графъ Робиланъ съхранили свои мѣста. Насколько мыслима такая комбинація, дѣлающая товарищами сторонника сближенія съ Германіей (г-на Криспини) и главнаго защитника союза съ Германіей (графа Робилана), — покажетъ, конечно, са-мое недалекое будущее.

Изъ Константинополя тоже приходили за послѣдніе дни слухи о предстоящей будто бы отставкѣ великаго визира Кіамілла-паша, сливавшагося отъ избѣженія англо-турецкаго.

Изъ Соединенныхъ-Штатовъ получено въ началѣ нынѣшней недѣли чрезвычайно отрадное извѣстіе о томъ, что вінчестонское правительство заключило съ Россіею договоръ о взаимной выдачѣ преступниковъ, по которому убийца и покушавшіеся на убийство съ политическими цѣлями не считаются преступниками политическими и должны быть выдаваемыи наравнѣ съ обычновенными уголовными преступниками. Такимъ образомъ уменьшилось еще число странъ, где могутъ находить беззаконное убийство врага благоустроенныхъ порядковъ современного общества, не задумывающаго вести борьбу съ этими порядками самими гнусными, самыми омерзительными средствами.

¹⁾ Текущий. ²⁾ Бухта въ Краснодарск. ³⁾ Развалны въ Азану. ⁴⁾ Потьдъ съ жестянодорожнымъ рабочими. ⁵⁾ Транспортные верблюды, или первою разъ. ⁶⁾ Транспортные верблюды для подачи шахтъ. ⁷⁾ Гурьевская кибитка. ⁸⁾ Верблюды туркменъ, ждающихъ нагрузки; ⁹⁾ Побережный ауль. ¹⁰⁾ Ослы коннойжитной дороги для подачи скрѣпленій

Виды Закаспийской области.— Отъ Крѣноводска до Кизиль-Арвата.

Рисовалъ съ натуры Н. Юму.

ніями, женскими въ особенности, что многія пьесы, сами по себѣ очень хороши, не могутъ имѣть надлежащаго успѣха, и разочарованная публика, уходя изъ театра, уносить съ собою только скучу и утомленіе. Къ тому же послѣднее время французскіе спектакли стали затягиваться до первого часа ночи. Главная пьеса начинается обыкновенно не раньше девяти, а одноактная комедія обставляется такъ плохо и неинтересно, что зрителей залъ пустуетъ на три четверти.

Не имѣла особенного успѣха и пьеса Теодора Барьера, название которой мы только что выписали. Бенефиціантка играла маленькую роль кокотки, Леонтины Крошаръ, въ которую влюбленъ Арманъ Гулю (г. Андріе), богатый повѣсъ и добрый малый. Конечно, она скрываетъ отъ него все, что можетъ ее компрометировать, лурчить и обманывать, съ напускнымъ безкорыствомъ отказывается отъ подарковъ и вслѣдствій этого получаетъ ихъ вдвое болѣе, короче — продѣливается съ нимъ всѣ тѣ штуки, которыя обыкновенно продѣливаются женщинами этой катерой. Въ такомъ же положеніи находится и братъ его, Теофиль Гулю (г. Ланжалэ), да и сдовласій для ихъ (г. Иттманъ) не прочь вспомнить молодость и подъ шумокъ заняться амурами. Пьеса кончается тѣмъ, что племянники, перебѣгнувшись, рѣшаются жениться на очень милыхъ дѣвушкахъ, роли которыхъ такъ граціозно передали г-жи Йизъ и Лудзель. Въ этихъ трехъ небольшихъ актахъ много веселости и остроумія, а цѣлыи рядъ комическихъ юморовъ поддерживаетъ въ публикѣ не-

Генералъ-адъютантъ Самуилъ Алексѣевичъ Грѣйгъ † 9-го марта

прерывный смѣхъ. Пальма первенства принадлежала, конечно, гг. Иттману и Андріѣ; что же касается бенефиціантки, то она играла свою роль такъ, какъ вѣроятно сыграла бы каждая красавица женщина, вовсе не будучи актрисой; тѣмъ не менѣе г-жа Давра вызывала изъюторную вспышку, была весела и нарядна, а это далеко не такое маловажное вещь. Изъ остальныхъ исполнителей слѣдуетъ упомянуть г. Стринца, г-жъ Анжель и Дариль. Театръ былъ на половину пустъ.

С.-петербургская музыкальная хроника. Безплатная музыкальная школа, на которую публика въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ ея существованія обращала мало вниманія, отпраздновала концертомъ свой юбилей 12-го марта въ дворянскомъ собрании. Программа концерта была составлена изъ произведений Балакирева, Ломакина, Мусорского, Римского-Корсакова, Юсупова, Бородина, Берлиоза и Листа. Въ концертѣ принимало участіе хоръ безплатной музыкальной школы, подкрупленный хоромъ Бермана и сторонними хористами. Объ участіи посыпаныхъ, разумѣется, въ афишѣ не упоминалось. Кроме хора, бесплатная школа не выставила въ концертѣ результатовъ своей двадцатипятилетней педагогической дѣятельности, что весьма жаль, такъ какъ нельзя допустить, чтобы учрежденіе въ продолженіи четверти вѣка достигло столь малыхъ результатовъ. Мы въ правѣ ожидать плодовъ ея педагогической дѣятельности, такъ какъ въ уставѣ бесплатной музыкальной школы говорится объ обученіи свѣтскому и духовному пѣнію и теоріи музыки, а не

Виды Закаспійской области. — Сотня джигитовъ на походѣ.

Съ фотографіи бр. Кондратенко рисов. Н. Гречаниновъ.

№ 949.]

- 21-го марта 1887 года. -

[Томъ XXXVII. № 13.

Наши японские гости.— Князь Коматсу и его супруга.

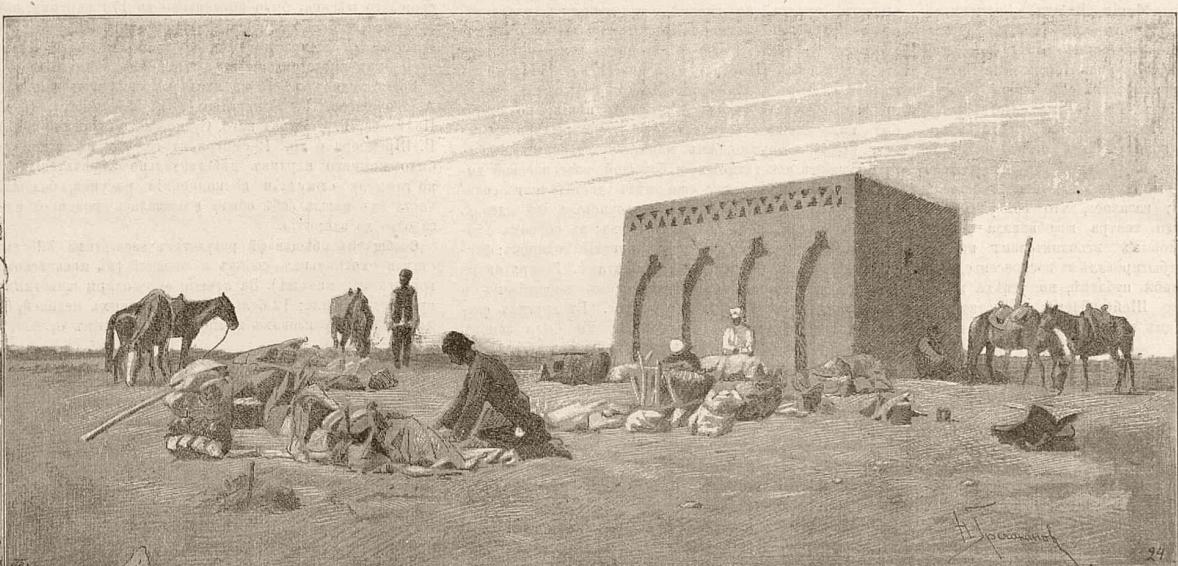
Гравировано съ фотографій, снятыхъ въ Токіо туземнымъ фотографомъ.

хоровому пѣні и элементарной теоріи. Вообще, юбилей, сведенный къ празднованію только существованія школы, не къ иллюстрированію итоговъ ея дѣятельности, по меньшей мѣрѣ страненъ. На юбилѣѣ чествовались дѣятели школы, гг. Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Дютшъ, за ихъ труды по школѣ. Въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ школою дано 50

концертовъ вмѣстѣ съ юбилейными, цифра скромная и оправдываемая только тѣмъ, что школа была лишена возможности дать больше вслѣдствіе постоянного равнодушія публики, крайне недовѣрчива относившейся и относящейся къ программамъ, отличающимъ иетерпимостью къ массѣ композиторовъ съ блестящими именами. Постоянная пропаганда Берліоза, Листа и очень немногихъ

другихъ западныхъ композиторовъ, да иѣсколькихъ русскихъ — вотъ все, что служило задачей этихъ концертовъ. Отпраздновавъ свой двадцати-пятилѣтній юбилей, школа наконецъ должна прийти къ заключенію, что пора ей перемѣнить свое название. Во-первыхъ, она не бесплатна, потому что со всѣхъ вновь поступающихъ учениковъ по уставу взимается 5 рублей единовременно, а во-вторыхъ потому, что систематична и педагогическая занятія въ ней едва-ли производятся, судя по результатамъ. Это просто хоровое концертное общество, въ которомъ, смотря по надобности концертной программы, разничается толькъ или другой хоръ, вѣнчая всякой связи съ педагогической системой. Изъ исполненныхъ въ концертахъ вещей болѣе выдѣлился „La reine Mab“, отрывокъ изъ драматической симфоніи „Ромео и Джульетта“ — Берліоза, второй концертъ Листа, въ превосходномъ исполненіи госпожи Ментерь, и колоритные отрывки изъ неоконченной оперы „Князь Игорь“ — Бородина.

— Предпослѣднее собрание камерной музыки отличалось

Станція для проѣжающихъ между Таджикомъ и Мервомъ.

Виды Закаспійской области.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. Н. Гречаниновъ.

АСЕИРНЯЙ ИЛОСТЯШЬ

№ 950. Годъ XIX.

28-го марта 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 14.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
Въ этомъ номерѣ 20 страницъ.

УЧИТЕЛЬ.

ПОВѢСТЬ

Максима Бѣлинскаго (I. Ясинскаго).

I.

Накривалъ дождь и барабанилъ по стекламъ большаго загороднаго дома обѣ одномъ этажѣ съ мезониномъ, окруженного высокими каштановыми и орѣховыми деревьями и примыкавшаго къ гористому парку. На крытой террасѣ, обросшей выющимися растеніями, за чайнымъ столомъ хлопотала прислуга.

Дама въ свѣтломъ халатѣ смотрѣла изъ окна своей спальні. По срединѣ двора, сливавшагося съ садомъ, былъ разбитъ цвѣтникъ, и если екипажъ вѣзъ жаль въ ворота, онъ долженъ былъ пробѣгать по узкой аллѣѣ высокихъ тополей, обогнувъ половину овала, краснаго, синяго и оранжеваго отъ георгинъ, астрѣи и пастурцій, и затѣмъ остановиться у широкаго отлогаго крыльца, гдѣ по обѣимъ сторонамъ симметрично блестѣли зеркальные шары. Дама ждала мужа, который могъ прїѣхать сутреннимъ поѣздомъ. Свистокъ машины уже прогудѣлъ вдали.

Дамѣ было лѣтъ двадцать-пять. У нея была красивая фигура, и она была высока ростомъ. Темные волосы ей были заплетены въ двѣ толстыя длинныя косы. Одна изъ нихъ лежала на груди, и она перебирала ее гибкими бѣдными пальцами ст плоскими розовыми ноготками, вплетая укосникъ.

Звали ее Глафиорой Львовной. По рожденію она была княжна, но родители ея были очень бѣдные люди, и отецъ дошелъ до того, что служилъ становымъ. Но мужу она была мѣщанка, но пользовалась въ обществѣ уважениемъ, потому что располагала значительными средствами. Мужъ ея, Григорий Павловичъ Кустовъ, занимался подрядами и, несмотря на то, что не имѣлъ никакихъ дипломовъ, былъ образованнѣмъ человѣкомъ.

Онъ женился на ней, когда ей было семнадцать лѣтъ, а ему сорокъ. Она знала, что онъ любить ее спокойно, прочною любовью, высоко цѣнилъ ея умъ, ея начитанность, а также ея волосы, ея лебединую шею, черные

большіе глаза, грациозность движений, благородную простоту наряда. Ей казалось, что и она его любить и тоже спокойною любовью. На его ласки она никогда не отвѣчала страстью. Она привязалась къ нему за восемь лѣтъ супружеской жизни, какъ къ брату, какъ къ отцу своего маленькаго сына, и даже сердце ея билось теперь отъ ожиданія, что вотъ сейчасъ прїѣдетъ Григорий Павловичъ.

Дождь все продолжалъ накривывать, становился чаще и чаще, и деревья облекала прозрачная дымчатая пелена. Чѣмъ дальше отъ дома, тѣмъ гуще казалась эта пелена, и лѣсокъ на горизонте, гдѣ виднѣлась станція желѣзной дороги, былъ такого-же сѣраго

Русскіе художники. — Вербы.

Рисовалъ А. Афанасьевъ.

добавил онъ. „Чему я буду очень радъ“, обычно спокойнымъ тономъ проговорилъ Добсонъ. На другой день утромъ мистер Кастэръ, Лиззи и Добсонъ сѣхались на пароходѣ и, приѣхавъ во Флоренцію, сѣли на сѣнъ-готардскую желѣзную дорогу. Вагоны были переполнены и Добсону не пришлось сидѣть вмѣстѣ съ Лиззи и ея отцомъ; онъ нашелъ себѣ мѣстечко въ самомъ концѣ вагона, спокойно усѣлся и сталъ перелистывать страницы дорожного путеводителя; иногда онъ брался за свою складную подзорную трубу и любовался далью. Поѣздъ прибылъ въ Гѣшененъ, гдѣ начинается сѣнъ-готардский тоннель; послѣ небольшой остановки, во время которой къ поѣзду пристали другій локомотивъ на сѣнѣнѣ прежнему, зажгли вагонныя лампы, раздались пронзительный свистокъ, зазвенѣли электрическіе звонки и поѣздъ вступилъ въ грандиозный тоннель, прорытый въ горѣ, имѣющей до десяти тысячъ футовъ высоты и отдѣляющей Германію отъ Италии. Настроеніе пассажировъ стало крайне напряженнымъ; температура въ вагонахъ повысилась, и яркий светъ лампъ перешелъ въ красноватый. Переѣхавъ тоннель, долженъ былъ продолжаться сорокъ минутъ. Прошла уже половина этого времени, и въ вагонѣ, гдѣ сидѣли мистер Кастэръ, Лиззи и Добсонъ, царило молчаніе. Вдругъ Добсонъ, сидѣвшій въ концѣ вагона, всталъ съ мѣста и, пройдя между рядами скамеекъ, подошелъ къ Лиззи. „Мисс Кастэръ, въ данную минуту мы находимся на глубинѣ десяти тысячъ футовъ подъ землею. Я напоминаю вамъ о вашей клятвѣ. Предлагаю вамъ руку, сердце и соображеніе и спрашиваю васъ теперь: согласны ли вы быть моей женой?“ Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ спокойно-хладнокровнымъ тономъ, наступила томительная пауза; вагоны катились, шумъ колесъ глухо отдавался подъ сводами тоннеля, и рѣзко свистѣлъ локомотивъ. Добсонъ свой вопросъ сдѣлалъ на англійскомъ языкѣ; многие изъ пассажировъ, очевидно, его поняли, встали съ своихъ мѣстъ и съ удивленіемъ глядѣли на вопрошающаго и вспрошающую. Всѣ, затаивъ дыханіе, ожидали развязки этой необычайной сцены, которая окончилась скорѣ, чѣмъ можно было предположить: Лиззи послѣднѣю поднялась съ мѣста, положила руку на плечо Добсона и тихо сказала ему: „тысячу разъ, десять тысячъ разъ согласна.“ Какъ разъ въ эту минуту раздались пронзительный свистокъ локомотива: въ окна вагона показался дневной сѣть, и пассажиры, забывъ о Добсонѣ и Лиззи, бросились къ окнамъ для того, чтобы увидѣть выходъ изъ тоннеля. Поѣздъ остановился. Мистер Кастэръ, Лиззи и Добсонъ вышли и направились къ сѣнъ-готардской гостиницѣ; Лиззи подъ руку съ Добсономъ поспѣшила впередъ, а за ними слѣдовалъ мистер Кастэръ, повидимому весьма интересовавшейся какими-то камешками. „И вы два года лѣтѣли свою мысль?“ съ восторгомъ спросила Лиззи. — Съ той минуты, когда вы заговорили о десяти тысячахъ футовъ, я всю свою надежду возложилъ на этотъ случай и терпѣливо ждалъ открытия сѣнъ-готардской желѣзной дороги. — И вами ни разу не пришло въ голову усомниться въ томъ, что я сдержу свою клятву?— продолжала Лиззи. — Я знала вашъ характеръ и вѣрила вашему слову, такъ какъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что вы откали мѣнѣ изъ гордости и по капризу за то, что я сдѣлала вамъ свое предложеніе, такъ сказать, ужъ слингомъ бездремонно. Это могло вѣстъ обидѣть, такъ подумалъ я. Но такъ какъ я знала и чувствовала, что вы меня любите, то мѣнѣ казалось невозможнымъ, чтобы вы не простили меня когда-либо. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ вы отказывали всѣмъ тѣмъ, кто явился къ вамъ съ предложеніемъ, и это обстоятельство еще болѣе укрѣнило меня въ моей увѣренности. Впрочемъ не будемъ болѣе говорить объ этомъ, моя дорогая, а лучше поблагодаримъ сѣнъ-готардскій тоннель, которому я обязанъ тѣмъ, что могу называть вѣстъ своею“. — Въ это время подошелъ мистер Кастэръ, который, считая свою роль оконченную, поклонился своей дочери и дружески обнялъ будущаго зятя. Всѣкъ трое сидѣли на вѣрандѣ гостиницы, и счастливый отецъ весело провозгласилъ тостъ за счастіе

своихъ дѣтей. „А знаете-ли, Добсонъ“, притворно-сердѣзнымъ тономъ сказала Лиззи, „вы меня, такъ сказать, немнго обманули; на сколько я помню, мѣстечко Гѣшененъ и самыи тоннель лежать на высотѣ трехъ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, и вы можете обѣ этомъ справиться по любому дорожному путеводителю. Въ такомъ случаѣ эти три тысячи футовъ остались за вами, и я, при надобности, могу сослаться на нихъ, какъ на предлогъ къ разводу“. — Вы ошибаетесь, со смѣхомъ возразилъ Добсонъ, и очень хорошо знала обѣ этомъ обстоятельства, и, какъ человѣкъ коммерческій, долженъ же быть что-нибудь нажить. А теперь дѣло кончено, и мы съ вами вѣти.

Всѣкъ состоялась въ Римѣ свадьба Лиззи и Добсона, и когда практическій американецъ вмѣстѣ съ молодою женою вернулся въ Нью-Йоркъ, то сплетницамъ и сплетницамъ американской столицы не пришло болѣе передавать другъ другу всякихъ нѣбылицъ о мистер Кастэрѣ и предметѣ ея несчастной любви.

— КОНЕНЪ. —

Поѣзда по Закаспійской области.

III.

Jутъ изъ Асхабада въ Мерьѣ идти большою частью по песчанымъ и безводнымъ пространствамъ, гдѣ до 1885 года дороги былигодны лишь для вычурного пути, и потому натурально намъ приходилось совершить походъ въ Мерьѣ верхами, а вещи перевезти вьючно на катерахъ и верблюдахъ.

23го апреля, въ день, назначенный для выступленія въ Мерьѣ, предъ домомъ, занятымъ княземъ главноначальствующимъ, съ ранніго утра начались оживленные приготовленія къ походу, причемъ натурально болѣе другихъ суетились погонщики катеровъ и верблюдовъ, озабоченные желаніемъ наивысшего полегче и удобнѣе своихъ животныхъ. Тутъ же въ сторонѣ были уже въ сборѣ воловъ готовые къ походу и сарыкескіе ханы, наканунѣ присягавшіе на вѣрноподданство Россіи; они изъявили желаніе сопровождать князя до Мерьѣ.

Когда было почти все готово къ походу, на Офицерскую улицу прибылъ съ музыкой кавказскій конный полкъ кубанскаго казачаго войска и выстроился посогенно. Полкъ этотъ шелъ въ Мерьѣ на сѣнѣнѣ стоявшихъ тамъ двухъ сотень таманскаго полка.

Въ 9 часовъ князь сѣлъ на коня, поздравилъ казаковъ съ походомъ, простились съ собравшимися проводить его лицами, и мы тронулись въ путь, имѣя во главѣ сарыкескаго депутата, сорокъ фераджемъ ахал-текинской милиціи и нѣсколько казаковъ, сопровождавшихъ значаще главноначальствующаго. Шестнадцать наше замыкаль кавказскій полкъ и походный обозъ.

На первое время нашего пути изрыта канавами мѣстность близъ Асхабада заставила вытянуть нашъ отрядъ въ длинную линію, но затѣмъ верстъ черезъ пять канавъ не стало, и потому весь нашъ отрядъ въ томъ числѣ и полкъ пошли развернутыми фронтомъ. Дорога шла по отлогимъ сѣвернымъ склонамъ Копет-Дагскаго хребта, сливавшимся здѣсь съ безграничными закаспійскими степями. Направо отъ насъ тянулся параллельно нашему пути высокий, скалистый и безлѣсный съ остатками снѣга кряжъ горъ, крѣтъ обрывавшійся къ сѣверу, а падаю сопутствовала безграницная, словно море, равнина, недалеко сливавшаяся съ мѣстностями горизонта. Короткая весна степей средней Азіи было въполнѣ раскрѣтъ: отлогие волнистые склоны горъ и часть степи, насколько могъ окинуть глазъ, представлялись какъ бы грандиознымъ роскошнымъ ковромъ самыхъ разнообразныхъ цветовъ и рисунковъ; вотъ, начиная отъ нашихъ ногъ, версты на дѣвъ, на три идти притупленной формѣ ярко-краснаго полоса, поросшая только макомъ; за этой полосой идти другая — розовая; по-тому опять красная; затѣмъ — зеленая, желтая и такъ даѣтъ, разнообразно чередуясь, и все это «свѣже», яркое, благодаря перенадавшемъ дождямъ. Глядя на этотъ очаровательный природный коверъ, невольно приходишь къ предположенію, что не онъ-ли послужилъ образомъ распределить въ разнообразіѣ притупленной формѣ яркихъ цветовъ на коврахъ, которыхъ такъ дорого цѣняются у любителей произведеній востока. Несмотря на раннюю пору (было около десяти часовъ), южное солнце уже очень грѣло и обѣщало осуществить тѣ страхи, какіе предвѣщали

намъ старожилы степей; но по счастію часамъ къ одиннадцати стали набѣгать облака, защищавшіе насъ отъ непосредственныхъ палиющихъ лучей солнца.

На 12-й верстѣ отъ Асхабада, преѣхавъ чрезъ небольшіе смычные пески, мы увидѣли обширную мечеть, вокругъ которой размѣтилось сел. Аннау, населенное ткачами рода аїелі въ числѣ 260 кибитокъ. Еще пѣсколько времени, и мы уже подѣхали къ селенію, при вѣѣдѣ въ которое старшины и выборные привѣтствовали князя и преподнесли хлѣбъ. Предъ собравшейся толпой какой-то ткачъ громко выкрикивалъ о томъ, что къ нимъ прѣѣхалъ въ гости русскій ярмъ-падишахъ и привезъ счастіе населенію.

При вѣѣдѣ въ селеніе стояли рядами выборные и старшины, а вдали на всѣхъ возвышенностяхъ и глиняныхъ постройкахъ, толпилось остальное населеніе Аннау. По обычаю востока князю послѣ привѣтствія старшины поднесли хлѣбъ и сладости. Поблагодаривъ за радушный прѣѣмъ, князь послѣдовательно забылъ обѣ аламанахъ (разбойническихъ набѣгахъ), занялся землемѣромъ и ремеслами и бытъ добрыми подданными Россіи, которая съ своей стороны сдѣлала все, чтобы обеспечить имъ мирное существование.

По окончаніи встрѣчи мы направились къ мечети среди толпившагося населенія, видимо живо заинтересованного всѣмъ происходившимъ передъ нимъ. Музика казачь资料 полка проповѣдывала наибольшее впечатлѣніе. Такъ какъ въ Аннау назначена была дневка, то князь и его свита для отдыха направились въ полуразвалины мечети, где и расположились за друдинскій прѣѣмъ, князь послѣдовательно забылъ обѣ аламанахъ (разбойническихъ набѣгахъ). Въ поданной походной закускѣ первое мѣсто по вниманію наше занялъ чай, этотъ вѣчный и необходимый спутникъ всякой, дѣлающей больше перѣѣзы въ знойныхъ степяхъ Азіи. Отдохнувъ, мы стали знакомиться съ остатками аннауской мечети. Она сложена изъ жженаго кирпича; передъ стѣнами изображаетъ щитъ, родъ грандиозныхъ размѣровъ ворота, облицованы голубыми изразцами весьма тонкой работы ввидѣ различныхъ рисунковъ и надписей о томъ, что мечеть возведена въ правление Абдулъ-Касумъ-Бабиръ-Багадуръ-хана въ 873 г. по гиджру. Среди высокой ограды мечети огорожено изъ кирпича небольшое пространство, гдѣ, какъ говорятъ, находится могила (Ширъ) племянника имама Ризы, Сейдъ-Эддина, весьма чтимаго жителемъ текинского оазиса. На могилѣ поставлено множество охрѣт-ови, домики каждый изъ четырехъ кирпичей, изъ которыхъ три, поставленные стоящими, составляютъ стѣны домика, а 4-й кирпичъ — крышу его *). Стѣны и куполъ мечети дали во многихъ мѣстахъ сквозныя трещины. Высота мечети достигаетъ до 7-ми саженей. Вокругъ мечети остались еще довольно хорошо сохранившіеся постройки медресе (школы) и помѣщенія для духовенства.

Въ теченіи нашего отдыха въ оградѣ были слышны какія-то выкрикиванія. Оказалось, что одинъ изъ муджевій (мула, состоящій при могилѣ имама Ризы) объяснялъ толпившимъ ткачамъ цѣль и значеніе побѣдки князя въ ихъ страну. Онъ приглашалъ молиться за русскаго царя, даровавшаго имъ возможность отдохнуть отъ тревогъ и укрѣпиться наконецъ надолго на одномъ мѣстѣ, т. е. достигнуть благополучія, о которомъ они безъ него могли бы только мечтать. Въ результатѣ муджевій, по словамъ переводчика, очень толково перефразировалъ рѣчь князя, сказанную имъ старшинами при вѣѣдѣ въ Аннау.

Въ два часа тронулись въ дальнѣйший путь вновь по ровной мѣстности, поросшей зеленью и масивомъ красного мака и др. цветовъ. Все это, какъ и раньше, блестѣло свѣжестью. Облачное небо продолжало намъ благопріятствовать, и въ концѣ вѣѣдѣ нашъ первый переходъ отъ Асхабада можно назвать только пріятною прогулкою.

Не дѣжалъ Гиурса, аула въ 36 кибитокъ, и крайнаго населенного пункта на границѣ Ахал-Текинскаго округа и Атека, настѣ встрѣтили два мальчика, фхавшіе на одной лошади. Увидѣвъ уже близко князя, одинъ изъ мальчиковъ быстро соскочилъ съ коня, получилъ отъ сидѣвшаго чурекъ (хлѣбъ туземного печенья) съ солью и быстро поднесъ ей князю. Исполнивъ это, онъ также быстро вскарабкался на лошадь къ своему товарищу, и оба поскакали къ группѣ ожидающихъ прѣѣзда главноначальствующаго текинцевъ. Принявъ хлѣбъ-соль и поздоровавшись съ жителями, князь приказалъ трутѣй «стой», и мы остановились на почлегъ. Туркмены приносили сѣно въ связкахъ, ячмень, хлѣбъ, яйца, молоко и такимъ образомъ устроили маленький базаръ, продолжавшійся до ночи.

Вокругъ селенія Гиурса вѣѣдѣ, гдѣ были воздѣланы поля, возвышались маленькие глиняныя башенки, построенные въ прежнее время для караула и отраженія нападеній на жителей, занятыхъ полевыми работами. Такихъ карауловъ разбросано множествомъ по всей Туркмени, гдѣ только существуетъ хлѣбопашество; теперь эти башенки, утратившіе свое

*). Близъ могилы наложена большая груда костей, особенно головъ съ рогами разныхъ дикихъ животныхъ, приносимыхъ сюда въ жертву по общашенію.

Виды Закаспийской области.— Караванъ на отдыхѣ между Мервомъ и Пенде.

Съ фотографіи бр. Кондратенко рисовалъ А. Каменскій

назначеніе, разрушаются отъ времени, что наглядно свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ умротвореніи края.

24-го апрѣля мы вступили на территоію Атека, которая начинается у Баба-Дурмаза, отстоящаго въ сорока верстахъ отъ Глурса. Атекъ представляетъ такую же равнинную полосу, какъ и Ахаль, отдаленную отъ Хорасана. Копетъ-Дагскимъ хребтомъ. Населеніе состоитъ изъ туркменъ разныхъ племенъ и небольшой части персійцевъ.

Переходъ отъ Глурса до аула Артыка, лежащаго на Дурнгарской рѣчкѣ, былъ самымъ болѣйшимъ за все время нашего путешествія въ Мерьѣ, такъ какъ разстояніе между называемыми пунктами считается около 55-ти верстъ. Въ жаркое время переходъ этотъ долженъ быть довольно тѣжелымъ по отсутствію на всемъ этомъ пространствѣ годной воды; хотя у Баба-Дурмаза и протекаетъ маленькая рѣченка, но вода въ ней не годится для питья людей; пили ее только лошади да и то не всѣ. Облачный день и на этотъ разъ облегчилъ наше движеніе, и мы близъ Артыка расположились на ночлегъ. Такъ какъ было уже довольно поздно, то, не дожидались нашихъ выкуовъ, и увѣренны въ хорошей погодѣ всѣ мы, кроме князя, легли спать подъ открытымъ небомъ; но въ полночь начался дождь и вымочилъ насть самымъ основательнымъ образомъ.

26-го апрѣля послѣ обычной суеты сборовъ отрядъ нашъ продолжалъ путь мимо артыкскихъ полей, застланыхъ хѣбомъ, изъ-за которыхъ шель споръ между туркменами, которымъ принадлежатъ эти пашни, и персійцами, самоволкою ихъ заставившими. Верстахъ въ четырехъ отъ Артыка видѣлись сады персидскаго мѣстечка Лютфабада въ 700 дворовъ, за версту отъ которого главноначальствующій былъ встрѣченъ прибывшимъ для привѣтствованія князя изъ Махомедъ-Абада ханомъ Дерегезскимъ, Мамедъ-Али-ханомъ; онъ былъ одѣтъ въ халатъ обыкновенного азиатскаго покрова, поверхъ котораго имѣлъ персидскую ленту; въ свитѣ хана находилось нѣсколько десятковъ человѣкъ его милиции и почетныхъ лицъ.

Путь по дорогѣ къ Лютфабаду пролегалъ между глиняныхъ заборовъ, садовъ и оросительныхъ каналовъ. Выпавшій ночью дождь и образовавшаяся оттого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонкая грязь нѣсколько замедлила наше движеніе по узкимъ улицамъ мѣстечка. На небольшой площади, у воротъ Лютфабадской крѣпости, собралась толпа жителей, которые привѣтствовали князя и поднесли ему, по восточному обычью, разные сладости, за что отдарены были деньгами. Въ числѣ поднесенныхъ предметовъ были: сахаръ, мучнистые конфеты, сущеные фрукты, прохладительные напитки и проч.; многие подносили розы, навязанные на длинныхъ палочки, и вообще все населеніе выказывало вполнѣ радушный прѣмѣтъ. На высокихъ стѣнахъ крѣпости стояли массами дѣти и женщины, на которыхъ производила видимое впечатлѣніе игравшая казачья музыка. Въ слѣдующемъ персидскомъ селеніи Шильганѣ съ 70-ю дворами и крѣпостью на высокой насыпи встрѣча была не менѣе радушина.

Жители названныхъ двухъ селеній занимаются земледѣльемъ и садоводствомъ, а лютфабадцы также и торговлею. Персійне отличные садоводы, и населенные ими пункты можно издали различить отъ туркменскихъ поселеній по роскошной зелени, окаймленной персидскими мѣстечками.

Дорога отъ Лютфабада къ сел. Кахкѣ проходитъ между обработанными полями, принадлежащими жителямъ нѣсколькоихъ селеній, разбросанныхъ на равнинѣ и у подошвы горъ. Всѣ это мѣстность представляетъ пріятную для глаза картину трудовой жизни, которая несомнѣнно можетъ получить еще большее развитіе съ установлениемъ правильного распределенія водъ между населеніемъ Дерегеза, откуда берутъ начало горные рѣчки, и туркменами Атека.

Къ 6-ти часамъ вечера отрѣзъ нашъ прибылъ въ большое селеніе Камка, возникшее весьма недавно, именно послѣ хивинского похода 1873 года, когда часть туркменъ Аліені переселилась сюда изъ хивинскихъ предѣловъ. Въ настоящее время Кахкѣ имѣетъ слышкомъ четыре тысячи жителей, обитающихъ въ глиняныхъ сакляхъ. Населеніе занимается преимущественно хѣбопашествомъ, частью же и скотоводствомъ, и повидимому пользуется обезпечениемъ достаткомъ.

Въ Кахкѣ, гдѣ 26-го апрѣля мы имѣли дневку, находились члены нашей комиссии по разграниченію между Закаспійскою областью и Персією, привѣтились сюда изъ Хеви-абада на встрѣчу главноначальствующему. Комиссія эта до сихъ поръ еще не могла приступить къ работамъ по своему пріому назначению, такъ какъ на нее же возложено особое порученіе распределить совмѣстно съ персидскимъ комиссаромъ пользованіе землями и водою между жителями Атека и сестрѣнными населеніемъ Хорасана. Нельзя не выразить желанія, чтобы это столь важное дѣло было какъ можно скорѣе приведено къ окончанію во избѣженіе взаимныхъ споровъ между заинтересованными сторонами. (Нынѣ комиссія эта окончила занятія.)

Днѣвка въ Кахкѣ была для настъ приятнымъ отды-хомъ послѣ первыхъ трехъ дней марша; необходимо было также дать нѣсколько отдохнуть лошадямъ и выночнымъ животнымъ въ виду предстоящаго дви-женія по безводной степи къ р. Теджену. Пребыва-ніемъ въ Кахкѣ, гдѣ намъ оказано было любез-ное гостепріимство комиссарамъ нашимъ по раз-граничению, полковникомъ Кузьминомъ-Караева-мъ, главноначальствующій воспользовался, чтобы заняться нѣкоторыми дѣлами по нашимъ пограничнымъ отношеніямъ, а также касающимися Мерва, откуда начальникомъ области почти ежедневно получались извѣстія посредствомъ джигитовъ.

Сел. Кахкѣ, населенное 2.000 семействъ текин-цевъ тоже рода Аліені, основано всего только лѣтъ 5 тому назадъ. Видъ этого, какъ и всякой текин-ской селеніи, очень унылый. Если посмотрѣть на него по птичьему полету, то оно представляется нѣкоторымъ подобиемъ пчелиной соты, изъ которой вытекъ медъ: масса высокихъ тонкихъ глиняныхъ стѣнъ, отдѣляющихъ дворъ отъ двора, среди большой высокой стѣны, окружающей все селеніе. Въ каждомъ дворѣ небольшой глиняный постройки съ плоской крышей изъ камыша, замазанного тоже глиной, и по дѣвѣ, по три кибитки или юломейки (глиняной ки-битки). Глина, глина и глина, среди которой суетятся такѣе же сѣрые оборванцы текинцы и ихъ жены съ домочадцами, вотъ общий видъ селенія. Ни гдѣ нѣтъ ни деревца. При ближайшемъ знакомствѣ селеніе съ его обитателями производитъ еще болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Въ виду вѣчныхъ пере-коековъ хозяйства текинца ограничивается самимъ необходимымъ, принаровленнымъ къ выку. Все это болѣе и грязно до послѣдней возможности. Если же взять въ разсчетъ довольно большое количество скота Кахка, то отнести его насеніе къ бѣдному было бы несправедливо. У южной стѣны селенія временно помѣстилась телеграфная станція въ кибиткахъ.

Изъ Кахка мы выступили 27-го апрѣля утромъ при пасмурной погодѣ и небольшомъ дождѣ, который шелъ и въ предшествовавшую ночь. Обстоятельство это не только облегчило нашъ путь, но и дало возможность на слѣдующемъ ноглѣ наполнить лошадей изъ образовавшихъ отъ дождя лужицъ. Сарык-скій ханъ, какъ и вообще всѣ текинцы, удивлялись такой благоприятной нашему отряду погодѣ, а одинъ изъ нихъ даже выразился въ восточномъ стилѣ, что „самъ Богъ, сочувствующій русскому движенію въ Мерьѣ, несетъ шатеръ надъ Ярымъ-Падишахомъ (т. е. полуцаремъ, какъ называли туземца главнона-чальствующаго) и его отрядомъ“. На полпути отъ Кахка къ Теджену, на ноглѣ, встрѣтился князь начальникъ Телжинского округа, маиротъ Махтумъ-Кули-ханъ, старій сынъ извѣстнаго хана Ахальскаго, а потомъ Мерьскаго, Нувердѣ-хана; онъ привѣтствовалъ князя и поднесъ ему, по восточному обычью, различные сладости, за что отдарены были деньги. Въ Кахкѣ мы пробыли 28-го апрѣля, прилагая всѣ мѣры для излечения лошадей, и въ 11 часовъ утромъ, когда погода улучшилась, выступили въ путь.

Изъ Кахка мы выступили 27-го апрѣля утромъ при пасмурной погодѣ и небольшомъ дождѣ, который шелъ и въ предшествовавшую ночь. Обстоятельство это не только облегчило нашъ путь, но и дало возможность на слѣдующемъ ноглѣ наполнить лошадей изъ образовавшихъ отъ дождя лужицъ. Сарык-скій ханъ, какъ и вообще всѣ текинцы, удивлялись такой благоприятной нашему отряду погодѣ, а одинъ изъ нихъ даже выразился въ восточномъ стилѣ, что „самъ Богъ, сочувствующій русскому движенію въ Мерьѣ, несетъ шатеръ надъ Ярымъ-Падишахомъ (т. е. полуцаремъ, какъ называли туземца главнона-чальствующаго) и его отрядомъ“. На полпути отъ Кахка къ Теджену, на ноглѣ, встрѣтился князь начальникъ Телжинского округа, маиротъ Махтумъ-Кули-ханъ, старій сынъ извѣстнаго хана Ахальскаго, а потомъ Мерьскаго, Нувердѣ-хана; онъ привѣтствовалъ князя и поднесъ ему, по восточному обычью, различные сладости, за что отдарены были деньги.

Изъ Кахка мы выступили 27-го апрѣля утромъ при пасмурной погодѣ и небольшомъ дождѣ, который шелъ и въ предшествовавшую ночь. Обстоятельство это не только облегчило нашъ путь, но и дало возможность на слѣдующемъ ноглѣ наполнить лошадей изъ образовавшихъ отъ дождя лужицъ. Сарык-скій ханъ, какъ и вообще всѣ текинцы, удивлялся такой благоприятной нашему отряду погодѣ, а одинъ изъ нихъ даже выразился въ восточномъ стилѣ, что „самъ Богъ, сочувствующій русскому движенію въ Мерьѣ, несетъ шатеръ надъ Ярымъ-Падишахомъ (т. е. полуцаремъ, какъ называли туземца главнона-чальствующаго) и его отрядомъ“. На полпути отъ Кахка къ Теджену, на ноглѣ, встрѣтился князь начальникъ Телжинского округа, маиротъ Махтумъ-Кули-ханъ, старій сынъ извѣстнаго хана Ахальскаго, а потомъ Мерьскаго, Нувердѣ-хана; онъ привѣтствовалъ князя и поднесъ ему, по восточному обычью, различные сладости, за что отдарены были деньги.

Изъ Кахка мы выступили 27-го апрѣля утромъ при пасмурной погодѣ и небольшомъ дождѣ, который шелъ и въ предшествовавшую ночь. Обстоятельство это не только облегчило нашъ путь, но и дало возможность на слѣдующемъ ноглѣ наполнить лошадей изъ образовавшихъ отъ дождя лужицъ. Сарык-скій ханъ, какъ и вообще всѣ текинцы, удивлялся такой благоприятной нашему отряду погодѣ, а одинъ изъ нихъ даже выразился въ восточномъ стилѣ, что „самъ Богъ, сочувствующій русскому движенію въ Мерьѣ, несетъ шатеръ надъ Ярымъ-Падишахомъ (т. е. полуцаремъ, какъ называли туземца главнона-чальствующаго) и его отрядомъ“. На полпути отъ Кахка къ Теджену, на ноглѣ, встрѣтился князь начальникъ Телжинского округа, маиротъ Махтумъ-Кули-ханъ, старій сынъ извѣстнаго хана Ахальскаго, а потомъ Мерьскаго, Нувердѣ-хана; онъ привѣтствовалъ князя и поднесъ ему, по восточному обычью, различные сладости, за что отдарены были деньги.

Изъ Кахка мы выступили 27-го апрѣля утромъ при пасмурной погодѣ и небольшомъ дождѣ, который шелъ и въ предшествовавшую ночь. Обстоятельство это не только облегчило нашъ путь, но и дало возможность на слѣдующемъ ноглѣ наполнить лошадей изъ образовавшихъ отъ дождя лужицъ. Сарык-скій ханъ, какъ и вообще всѣ текинцы, удивлялся такой благоприятной нашему отряду погодѣ, а одинъ изъ нихъ даже выразился въ восточномъ стилѣ, что „самъ Богъ, сочувствующій русскому движенію въ Мерьѣ, несетъ шатеръ надъ Ярымъ-Падишахомъ (т. е. полуцаремъ, какъ называли туземца главнона-чальствующаго) и его отрядомъ“. На полпути отъ Кахка къ Теджену, на ноглѣ, встрѣтился князь начальникъ Телжинского округа, маиротъ Махтумъ-Кули-ханъ, старій сынъ извѣстнаго хана Ахальскаго, а потомъ Мерьскаго, Нувердѣ-хана; онъ привѣтствовалъ князя и поднесъ ему, по восточному обычью, различные сладости, за что отдарены были деньги.

Тенджецкій оазисъ славится удивительнымъ плодо-родiemъ, которымъ съмѣютъ воспользоваться только теперь, по умротвореніи степи. Еще три года тому назадъ сюда приходило на время не болѣе тысячи бедомынъхъ людей; супя-же по той прогрессии, съ какою возрастаетъ населеніе Теджена, можно раз-считывать, что черезъ годъ-другой здѣсь найдутъ себѣ занятія и обезпеченнное существованіе тысячи до 15—20 человѣкъ, въ особенности при обводненіи про-странства на правомъ берегу рѣки.

Мѣсто у Кары-бенда, служащее теперѣ резиден-циею тенджецкаго окружнаго начальника, было впер-вые занято нашимъ военнымъ отрядомъ, выслан-нымъ туда въ концѣ прошаго года и отъ котораго сохранились еще до сихъ поръ шалаши и крытыя землянки. Пунктъ этотъ въ настоящее время пред-ставляетъ нѣчто въ родѣ небольшой улицы, по сто-ронамъ которой поставлены кибитки окружнаго начальника, состоящихъ при немъ джигитовъ и для проѣзжающихъ.

(Продолженіе будетъ.)

» Мировичъ «. Романъ Г. Данилевскаго.

Романъ „Мировичъ“, сперва названный по имени глав-наго героя принца Иоанна Антоновича „Царствен-наго узника“, написанъ въ 1875 г. Черезъ четыре года онъ появился въ „Вѣстнѣкѣ Европы“, а затѣмъ въ отдель-номъ изданіи. Авторъ романа, известный писатель, вос-пользовался, какъ фабулой, известной въ исторіи попыт-кой поручика Мировича, освободившаго заточеннаго принца Иоанна Антоновича, возвѣсти его по русскому престолу, а императрицы Екатеринѣ и Павлу удалить изъ Петербурга. Дерзкая попытка Мировича чуть было не удалась; а не удались она потому, что принца, согласно сдѣланнѣмъ заговоромъ распоряженіемъ, убили въ моментъ освобожденія его Мировичемъ. Мятежного поручика арестовали и по повелѣнію императрицы казнили на Сант-номъ рынке, въ Петербургѣ.

Романъ Г. Данилевскаго интересенъ главнымъ обра-зомъ не фабулой, но живымъ подробнымъ изображеніемъ взятой эпохи (вторая половина XVIII в.). „Импе-ратрица Елизавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 года въ самой разгарѣ войны Россіи съ Пруссіей“ говорится въ началѣ романа. „Войска Фридриха были уже не тѣ; лучшіе его офицеры были убиты или взяты въ пленъ“.

„Пруссія была окончательно покорена; поплемянникъ Елизаветы Петровны, императоръ Петръ III, въ самыи день смерти тетки вошелъ съ обожаемымъ имъ королемъ Фридрихомъ въ переговоры о перемириѣ“.

Панинъ, привѣтъ отъ Суворова войска и управле-ніе прусскимъ королевствомъ, послалъ въ Петербургъ курьера, поручика Мировича, съ бумагами, въ которыхъ дѣлалъ предложеніе продолжить войну. Этотъ Миро-вичъ оказывается человѣкомъ смѣлымъ, отчаяннымъ игро-комъ, кутилой и развратникомъ. Авторъ описываетъ его приключенія въ Петербургѣ и мастерски рисуетъ картины города въ то время.

„Невская перспектива въ подъень покрывалась гуляющими. Шли статески щеголи въ черныхъ бахратахъ кафтанахъ, поясахъ панталонахъ и ботфортахъ выше колѣй, либо въ разовьыхъ и жeltыхъ шелковыхъ фракахъ съ огромными лорнетами, а когда было холодно — съ куньими и собольими муфтами. Щеголихъ, съ затянутыми вѣндъ ось талыма, несли на головахъ хитро устроен-нныя прически на манеръ рыцарскихъ замковъ, цѣтвѣ-ныхъ каражинъ, китайскихъ бесѣдокъ и кораблей. Но и на этой первостатейной улицѣ не обходилось безъ неп-рятностей. У кофейной Муры или у магазина госпожи Токѣ, не обращая вниманія на разрѣзанныхъ въ пухѣ и прахѣ прохожихъ, лежала, растянувшись по тротуару, избитый въ кровь и съ разорванными портами мертвѣцъ плюнъ матросъ. Верховой конногвардеецъ стъ гром-кой бранью и стъ обезображеніемъ отъ злобы лицомъ у чьего-то дома стегалъ хлыстомъ чужаго напудренного и важнаго кучера за то, что тотъ не свернулся разол-ченной съ коваными занавѣсками каретой и тѣмъ по-мѣшилъ ему проскакать въ донюку за какой-то умчав-шейся красавицей“.

„Частныи зданіи на Невскомъ со стороны адмирал-тейства тогда начинались лишь отъ Полтавскаго моста. Отсюда вплоть до Аничкова по правой и лѣвой сторо-намъ проспекта было не многимъ болѣе десятка домовъ да и то на половинѣ деревянныхъ. Домовладѣльцы на главныхъ улицахъ были большою частью иностранцы или инородцы. У Разѣздной площадки временнаго зим资料 дворца, выходившаго на Мойку, на Невскій и Луговой, нынѣ Морскому, былъ домъ купца Добросона съ над-писью на выѣбѣ: „Продажа гамбургскихъ канареекъ и птицъ“. Въ Кирпичномъ переулкѣ, наискось противъ нынѣшнаго ресторана Дюссель, былъ домъ банкира Кнут-сена. На углу Гороховой и Луговой — домъ красильщика Краузѣ; у Синагоги моста — выѣбска юрчика Матыся Законова. Немногимъ далѣе по Мойкѣ — цѣтвѣнныи магазинъ Вольса съ надписью: „Израильянинъ анаисные панти“. Придворные сады — Лѣтній, Итальянскаго дворца, на Литейной, въ Екатерингофѣ и на цѣтвѣ-ныхъ променадахъ Царицына луга — были открыты для публики. Но въ нихъ не пускали матросовъ, ливреинъихъ лакеевъ, женщинъ съ платками на головахъ, мужчинъ изъ сапогахъ, а не въ башмакахъ, и вообще, какъ тогда говорили въ газетахъ и публикаціяхъ полиціи — „под-лаго народу“.

Между прочимъ, шатаясь по Петербургу, Мировичъ

Всемирный Иллюстратор

№ 953. Годъ XIX.]

18-го апрѣля 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 17.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.

Главная контора редакции журнала «Всемирная Иллюстрация» покорнейше проситъ гг. подписанчиковъ, получающихъ этотъ журналъ *въ рассрочку* платы подписанной цѣны, поспѣшить высыпкою причитающихся съ нихъ на второй взносъ (къ 1-му мая) денегъ — во избѣжаніе простоянки высылки журнала.

Академическая выставка 1887 г. — Вдовая. Картина Н. П. Загорского.

Съ картины рис. для «Всемирной Иллюстраціи» самъ авторъ.

сумъєтъ примирить оба взгляда, въ сущности никако не противоречивыхъ. Хорошая мысль всегда заслуживает и хорошимъ для своего выраженія, безразлично будетъ то въ поэзіи, въ музыѣ или въ живописи. Но отдавая виѣшней формѣ столь видное мѣсто, мы никакъ не думаемъ выдвигать ее на первый планъ, въ ущербъ тѣмъ внутреннимъ качествамъ, которыя заключаются въ идеяхъ, мотивахъ того или другого произведения искусства. Хорошей техникой, ловкостью и бойкостью ремесленной руки могутъ въ наше время похвальиться очень многие. Но значить-ли это, что у насъ очень много художниковъ въ истинномъ и высокомъ смыслѣ этого слова? И разѣ виртуозъ можетъ, когда-либо обойтись безъ творчества, безъ участія ума и души, хотя бы онъ передавалъ чужкія, уже готовыя мысли, будеть-ли то паністъ за ролемъ или актеръ на театральныхъ подмосткахъ? Повидимому, въ послѣдніхъ двухъ случаяхъ весь успѣхъ задачи зависить только отъ выполненія, отъ блѣести пальцевъ или отъ силы и звучности голоса. Повидимому, Бетховенъ или Шелепиръ, ихъ спла, ихъ гений и фантазія не зависятъ отъ исполнителя и не требуютъ отъ послѣдняго никакихъ качествъ, кромѣ надлежащаго совершенства техники. А между тѣмъ мы отлично знаемъ по ежедневному опыту, что далеко не каждый паністъ и не каждый актеръ можетъ сыграть увертюру Эгмонтъ или венеціанскаго мавра. Мы знаемъ, что для этого необходимъ особый, специальный даръ и аплидируемъ вдохновенной игрѣ Рубинштейна или Сальви. То-же самое и еще въ большей степени относится и къ живописи.

Художникъ, который не имѣть ничего, кромѣ чисто механическаго умѣнія рисовать и давать своему рисунку виѣшнее сходство съ оригиналомъ, — такой художникъ въ сущности вовсе и не заслуживаетъ своего названія. Онъ можетъ хорошо подражать тому, что онъ видитъ, но онъ еще не въ силахъ воссоздавать и дополнять путемъ творчества недоказанную мысль природы; онъ не умѣть угадывать и ловить эту мысль на полусловѣ, потому что онъ не умѣть жить съ этой природою за одно и, отражая въ себѣ ея пѣмые образы, слагать свои жизнія впечатлѣній. А между тѣмъ для настъ, для зрителя, важны именно эти впечатлѣнія, важна мысль природы, угаданная чистотою художника и ясно высказанныя имъ въ словѣ, въ звукахъ или на полотнѣ. Вѣдь конѣ того, что каждый изъ настъ можетъ видѣть въ оригиналѣ, не скажетъ намъ больше, чѣмъ самъ оригиналъ. Вѣдь каждый изъ настъ видѣлъ и цѣты, и березы и соны; каждый изъ настъ присутствовалъ при тѣхъ или другихъ перипетіяхъ обыденной жизни, и всѣ эти факты, взятые только какъ факты, слишкомъ общениевѣсты, чтобы повторять ихъ. Они могутъ пріобрѣсть интересъ — и пріобрѣтаютъ его — только въ томъ случаѣ, если художникъ сумѣть имъ дать новое, оригинальное и все же правдивое освѣщеніе, то освѣщеніе, которое сдѣлается для настъ яснымъ и понятнымъ все скрытое и остававшееся въ тѣніи. Безъ этого освѣщенія, своего освѣщенія, выработанного путемъ впечатлѣній и наблюдательности, путемъ ума и фантазіи художника — искусство теряетъ весь свой смыслъ и все свои оправданія. Другими словами, задача истиннаго художника состоитъ въ томъ, чтобы передавать не явленія виѣшнаго міра, а тѣ впечатлѣнія, которымъ эти явленія вызываются въ его ясновидящей душѣ, передавать ихъ сильно, опредѣленно и беспристрастно. Это онъ можетъ успѣть только при помощи хорошо выработанной техники.

(Продолженіе будетъ.)

Поѣздка по Закаспійской области.

День 29-го апрѣля мы провели у Кары-бенда для отдыха. Вечеромъ импровизировалось нѣчто въ родѣ народного гулянья: были тутъ и туземная музыка, и текинские пѣсенники, и борьба съ денежнымъ вознагражденіемъ побѣдителю; это маленькое развлеченье доставило истинное удовольствіе трудающимся людямъ.

Отъ Кары-бенда почти до самого Мерва намъ предстояло также идти по безводной равнинѣ, а потому еще заблаговременно сдѣлано было начальникомъ области, генераломъ Комаровыемъ, распоряженіе о заготовленіи воды на почтегахъ. Къ счастію шедшіе въ теченіи апрѣля частые дожди сдѣлали излишнимъ подвозъ большого запаса воды въ сосудахъ, такъ какъ она оказалась въ изобилии въ естественныхъ водоемахъ, существующихъ на пути.

30-го апрѣля, послѣ 37-минутнаго перехода отъ Кары-бенда, мы остановились на ночлегъ въ пескахъ Джуджукли-кумы, вблизи довольно большаго озера, образовавшагося отъ дождевыхъ водъ. Здѣсь поставлена станица.

1-го мая путь лежалъ чрезъ пески, поросшіе сакаульникомъ. На остановкѣ у колодезя Дорть-кую сарсыкѣ ханы, видя неудобство въ стенахъ и на солицѣ русской палатки, предложили для тѣни свой бухарскій наметъ, оказавшійся очень удобнымъ.

Стало уже вечерѣть, когда по направлению къ Мерву, по ту сторону озера, показалась масса конницы. Не долго пришлося догадываться, въ чѣмъ дѣло: то бѣхали мѣрвцы, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, прибывающихъ ярмъ-падишаха, имѣя во главѣ четырехъ своихъ хановъ и мервскаго окружного начальника, маюра Алиханова. Приблизившись къ озеру, мѣрвцы наполнили толстъ своихъ коней, послѣ чего стали проѣзжать ихъ галопомъ въ разныхъ направленихъ, чтѣ представляло весьма оригинальное, эффектное зрѣлище; когда стемнѣло, прибывающіе изъ Мерва туркмены размѣстились вдоль озера, развели костры и стали готовить чай. На слѣдующее утро маюръ Алихановъ представилъ главноначальствующему хановъ четырехъ мервскихъ племенъ: сымчакъ, бекъ, бахши и векисъ; ханы были въ разнообразныхъ костюмахъ, но всѣ съ капитанскими погонами, по-жалованіи имъ при принятіи мервскаго населенія въ русское подданство. Поговоривъ съ ханами, князь сѣлъ на коня и въ сопровожденіи свиты отправился по пути къ Мерву, где на обширномъ такирѣ выстроена была въ одну развернутую линію мервская конница по племенамъ, имѣя своихъ хановъ передъ фронтомъ. Главноначальствующій объѣхалъ всю линію, здороваясь съ всадниками, которые громко и дружно отвѣчали на привѣтствіе; затѣмъ, приказавъ мѣрвцамъ сдѣлать кругъ и ставъ посреди ихъ, князь обратился къ новымъ подданнымъ черезъ передовчика съ рѣчью, въ которой высказалъ имъ тѣ же наставленія, какія даны были сарыкамъ въ Асхабадѣ. Мѣрвцы слушали со вниманіемъ, и многіе изъ нихъ, бывшіе впереди, видимо сочувственно относились къ словамъ главноначальствующаго о томъ, что они должны жить теперь мирно, заботиться объ увеличеніи своего благосостоянія, не опасаясь за свое имущество и не обижая другихъ.

И действительно сколько можно было убѣдиться за время нашего пребыванія въ мервскомъ оазисѣ чрезъ разспросы жителей громаднаго большинства населенія чистосердечно радуется измѣнившемуся порядку вещей, позволяющему теперь каждому спать спокойно, не боясь ни за свою жизнь, ни за щѣлость своего имущества. Если существуютъ недовольные, то лишь самое ничтожное число изъ туркменъ, занимавшихся прежде исключительно разбоемъ или преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли, но не сумѣвшихъ во времена оѣбнѣнія характеръ событий и потому утратившихъ прежнее свое вліяніе на народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вытекавшій изъ того материальныхъ выгодъ. Результатъ же трехмѣсячнаго занятія нами Мерва не можетъ не поразить каждого, знающаго, что представляло изъ себя еще недавно это, такъ называемое, разбойничье гнѣзда. Теперь же на всемъ пространствѣ не только теджевенского и мервскаго оазисовъ, но и на путяхъ изъ нихъ въ Хиву, Бухару и Персію господствуетъ такое спокойствіе и безопасность, какія желательно было-бы видѣть въ мѣстностяхъ, давно уже надѣленныхъ усовершенствованными формами администраціи и суда. Близко еще время, когда ни одинъ карараванъ не рѣшался пускаться въ путь чрезъ мервскую территорію, не опасаясь быть разграбленными или не покупая свою безопасность наймомъ у тѣхъ же мервцевъ достаточного конвоя; теперь-же какъ въ передней, такъ и въ обратной путь намъ попадались на встрѣчу не только малые карараваны въ два-три верблода, но и одиночные люди, въ томъ числѣ и персыне, которые, по мервской говорѣ, не иначе смѣли показываться въ мервскомъ районѣ, какъ съ веревкою на шеѣ. Придавая теперь великое значеніе этимъ осаждательнымъ послѣдствіямъ недавнаго присоединенія Мерва къ русскимъ владѣніямъ, мы должны надѣяться, что значеніе это возрастетъ со временемъ еще болѣе и выразится въ широкомъ развитіи культуры и торговли въ нѣкогда цѣѣтущемъ сасії, который и нынѣ представляется самимъ благопріятнымъ къ тому условію.

Съ посѣга на Джуджукли-кумы отряда нашъ увеличился всѣмы мѣрвцами, прибывающими на встрѣчу глахноначальствующему и шедшими уже отсюда во главѣ колонны. Пройденное нами 1-го мая пространство представляло, въ большей его части, песчаную степь, прерываемую лишь въ одномъ мѣстѣ болѣе глинистою равниной, на которой вѣтвою отъ дороги лежатъ развалины стараго караван-сарая Куланъ-рабата, получавшаго въ прежнія времена воду изъ р. Мургаба. Отсюда вскорѣ начинается онять область песковъ, имѣющихъ волнообразный характеръ и покрытыхъ настолько густою растительностью изъ сакаула и гребенщика, что войскамъ нашимъ, двигавшимся въ февралѣ мѣсяцѣ къ Мерву, приходилось прорубать себѣ дорогу въ этой чашѣ. Тутъ встрѣчаются колоды Дѣртъ-кую, изъ которыхъ однако только два оказались годными для поиша лошадей, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны слѣды бывшаго орошенія и старыхъ пашенъ. Лѣсистая равнина, изобилующая также подножнымъ кормомъ, прости-

рается верстъ на пятнадцать; въ сторонѣ отъ пути находится могила какого-то святаго Карабъ-ата, миновавъ которую, мы вышли на открытое мѣсто къ небольшому озеру или, вѣрѣнѣ, водѣму, наполненному водой, нарочно пущенному туда, въ виду нашего прѣѣза, изъ мургабскихъ арыковъ. Здѣсь мы остановились на ночлегъ.

Послѣдній переходъ 2-го мая, отъ упомянутаго озера къ Мерву, не имѣлъ уже прежн资料 однобразнаго характера, тѣль-какъ мы вскорѣ вступили въ культурную полосу, покрытую посѣвами и перерѣзанную арыками. У первого аула Абдалъ-Топазъ начались встрѣчи съ хлѣбомъ-солью, повторявшияся одна за другую по мѣрѣ слѣдованія чрезъ поселенія племенъ сымчакъ и бахши, живущихъ на лѣвой сторонѣ Мургаба. Пробѣхавъ верстъ 20 отъ мѣста ночлега, мы увидѣли сквозь зелень садовъ часть стѣнъ огромной крѣпости Коушутъ-ханъ-кала, выстроенной на правомъ берегу рѣки, въ центрѣ нѣкогда Мервскаго оазиса. Крѣпость эта представляетъ неправильный четырехугольникъ, обнесененный съ трехъ сторонъ насыпнымъ валомъ высотою до шести саженъ, съ заложениемъ около десяти; площадь внутренняго пространства рассчитана такъ, чтобы въ случаѣ серьезной опасности все мервское населеніе, насчитывающее 48 тысячъ, могло найти въ ней убѣжище со всѣмъ своимъ имуществомъ. Грандиозное это сооруженіе начало было въ 1873 г., въ ожиданіи движения русскихъ войскъ изъ Хивы на Мервъ, причемъ все мужское населеніе Мерву работало въ теченіи двадцати дней по участкамъ, распределеннымъ между отдельными родами, сообразно численности каждого изъ нихъ. Когда минимумъ опасности миновала, постройка была оставлена и возобновлена впослѣдствіи тѣмъ же порядкомъ, при наступательномъ движении нашемъ къ Гекъ-тепе; юго-восточный фасъ крѣпости остался незаводненнымъ, равно какъ и не заполнена насыпью небольшой промежутки между участками работавшихъ туркменскихъ родовъ. Внутреннее пространство ограды занято теперь посѣвами.

Не дѣжая Мургаба, на лѣвомъ берегу его, отведенъ теперь новое мѣсто для базара, бывающаго два раза въ недѣлю и на который собирается отъ 5-ти до 7-ми тысячъ человѣкъ. Здѣсь уже образовалась улица, обставленная двумя рядами кибитокъ и небольшихъ шалашей, занимаемыхъ нѣсколькими десятками кулоцовъ, ведущихъ постоянную торговлю; кромѣ того, на базарномъ участкѣ разобрано въ послѣднее время 76 мѣстъ разными торговцами, преимущественно евреями, приходящими сюда съ товаромъ въ базарные дни. За мѣста подъ торги взимается особая плата, и къ нашему прѣѣзу въ Мервъ поступило уже въ доходъ съ этой статьи болѣе трехъ тысячъ рублей. Мѣрвцы довольно бойко торгуютъ своимъ сырьемъ, но очень мало покупаютъ у торговцевъ-армянъ, которые жалуются, что дѣла ихъ, при незначительности нашего гарнизона въ Мервѣ, идутъ вялыми; съ другой стороны слышатся уже опасенія, чтобы по мѣрѣ перехода торговли въ руки армянъ, посѣдніе не повѣли, подобно тому какъ въ Асхабадѣ, на возвышение пѣнъ и на ухудшеніе качества сырья, продаваемаго при ихъ посредствѣ. Теперь уже насчитываются въ Мервѣ 28 торговцевъ-армянъ, но съ самыми незначительными запасами товара.

Противъ базарной улицы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ праваго берега рѣки, расположено наше укрѣпленіе, примыкающее къ юго-западному фасу Коушутъ-ханъ-калы. Сообщеніе черезъ Мургабъ, ширина которого въ этомъ мѣстѣ не превосходитъ 15—20 саженъ, производится по мосту временнаго характера; при сильной прибѣлѣ воды мостъ этотъ легко сносится, что едва и не случилось при выѣздѣ нашемъ изъ Мервы.

Внутри нашего укрѣпленія помѣщаются всѣ войска, составляющія гарнизонъ, и управление начальника округа. Люди расположены въ кибиткахъ и частю въ палаткахъ, лошади же подъ наѣсомъ. Несмотря на многія неудобства, неизбѣжны при первоначальномъ размѣщѣніи въ новомъ, неустроенному пункѣ, войска пользуются удовлетворительнымъ здоровьемъ; тѣмъ не менѣе желательно скѣрѣшее въображеніе болѣе удобныхъ жилыхъ помѣщений, въ особенности для больныхъ, тѣль какъ при нѣрѣдко бывающихъ здѣсь сильныхъ вѣтрахъ срывается не только палатки, но и кибитки, не говоря о массѣ пыли, заносимой внутрь этихъ жилищъ.

Главноначальствующій остановился въ помѣщении начальника округа, маюра Алиханова, устроенному изъ трехъ прекрасно отѣланныхъ и внутри сообщающихся между собою кибитокъ; но и эта безспорно самая комфорtabельная „квартира“ въ Мервѣ страдаетъ тѣмъ-же неудобствами, о которыхъ только что упомянули, въ чемъ пришлося убѣдиться не далѣе, какъ на слѣдующую ночь, во время разрѣзывавшагося сильнаго вѣтра, а потомъ и дождя. Передъ помѣщениемъ окружного начальника, на выложеніи изъ кирпича площадкѣ, расположены въ рядъ тѣла 28 орудий изъ числа отбитыхъ тѣканіями при истреблѣніи ими въ 1860 году персидской арміи принца Султанъ-Мурадъ-мирзы.

(Продолженіе будетъ.)

Всемирная Иллюстрация

№ 955. Годъ XIX.

2-го мая 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 19.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

При этомъ номерѣ «Всемирной Иллюстраціи» разсылается для всѣхъ подписчиковъ третье художественное приложеніе за 1887 годъ —

автотипія съ картины А. Эдельфельта

«РЫНОКЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ»,

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ,
и гг. новые подписчики получать журналъ съ 1-го номера со всѣми бесплатными приложеніями.

Перелетные птицы.

Изъ Гейне.

Почуали весну — и въ путь снялися птицы,
Едва забрежжилась румяная заря;
Снялись — и къ сѣверу несутся вереницы
Чрезъ океаны и моря.
На сѣверъ сѣдомъ недолго солнце грѣть.
Недолго зелены кудрявые лѣса:
Дохнеть старикъ-морозъ — и все заледенѣтъ,
И въ кущахъ голыхъ липъ умолкнутъ голоса.

Такъ на душу порой нисходитъ вдохновеніе,
Будя ее на мигъ отъ тягостнаго сна, —
И въ ней цвѣтутъ цвѣты, звучать въ ней пѣснопѣнья,
И свѣтлынь праздникомъ проносится весна. —
Но чудный мигъ исчезъ, какъ въ небѣ слѣдъ зарницы, —
Цвѣты склонились на сѣбѣную постель,
И перелетные назадъ умчались птицы —
Назадъ, за тридевять земель...

М. Соймоновъ.

УЧИТЕЛЬ.

ПОВѢСТЬ

Максима Бѣлинскаго (I. Ясинскаго).

то съ вами?! вскричала Глафира Львовна, наклонясь къ гостьѣ. Успокойтесь, милая, дорогая! Воды подать? Сейчасъ... Не плачьте! Перестаньте! Вотъ, смотрите, вода! Напейтесь, Соломонида Кирилловна!

— Уйдите отъ меня, не мучьте!

Вошель Поморовъ такъ-же неслышно, какъ и вышелъ; можно было подумать, что онъ сидѣлъ все время за дверью и слушалъ.

— Съ Соломонидой Кирилловной бываются нервные припадки, сказаъ онъ. По временамъ ее смущаютъ странныя опасенія, и она думаетъ, что ее вѣнцъ презираютъ... Соломонида Кирилловна, грѣшно срывать нерви на другихъ. Придите въ себя.

Соломонида Кирилловна вздрогнула, поймала руку Кустовой и сквозь слезы произнесла:

— Не гибнайтесь... Сейчасъ я назвала себя кроткой овечкой, и, видите, это неправда... Простите больную.

Она глотнула воды. Послѣ глубокаго вздоха она промолвила:

— Смотрите, повинуюсь ему... Ахъ, Глафира Львовна, надо страдать долго и надо вѣчно «голодать», чтобы умѣть повиноваться. Право, душевный міръ... Но я должна вернуться къ своимъ признаніямъ. Теперь немножко...

— Лучше успокойтесь, сказала Глафира Львовна. На васъ непріятно дѣйствуютъ воспоминанія.

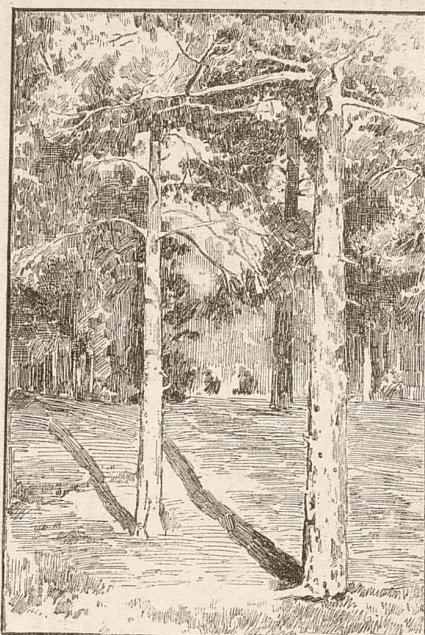
— Боятесь, что повторюсь? И, главное, васъ оскорблю мои рѣзкости? Вотъ и онъ замѣтилъ... Да вѣмъ слово! Милая! Глафира Львовна...

Кустова попѣловала ей.

— О, вы добрая, великодушная! Не бойтесь же. мнѣ теперь хорошо и легко — послѣ слезъ.

Она полежала нѣкоторое время и начала:

— Когда умеръ мужъ, я видала въ такое отчаяніе. Стоить-ли жить, да и имѣть-ли жизнь какую-нибудь цѣнность, если въ самые молодые годы, въ то время, какъ хочешь счастья и полна силъ — вдругъ смерть!... какая жестокость, какая неизѣбнѣа! Тутъ, разумѣется, естественно разочароваться. Я окончательно сдѣлалась материалисткой. Представьте только, я все отрицала, и люди мнѣ казались стадомъ

XV передвижная художественная выставка.
Роща.

Картина И. И. Шишкина.

зиль художник. Положим, это реально, но бѣда въ томъ, что это слишкомъ реально. И если поэта слѣдуетъ изображать просто, безъ всякихъ ложно-классическихъ погримушекъ, то все же нельзя въ поэзіѣ забывать поэта, нельзя забывать главнаго. Съ этой точки зренія оба портрета г. Ярошенко не удовлетворяютъ самой синхордительной критики. Если же на нихъ смотрѣть только какъ на протоколъ, то во всикомъ случаѣ это протоколъ подчеркнутый, тенденціозный и стало быть невѣрный, не беспристрастный.

Срединное мѣсто между портретомъ и жанромъ занимаютъ грациозныя работы Ю. Я. Лемана. Его кисть почти всѣцѣю посвящена изображенію женщинъ, и въ этой области онъ достигъ весьма высокаго мастерства. Глядя на его „Парижанку“ и „Дѣвушку за вышиваньемъ“, вы сейчасъ же усвоните себѣ точку зренія художника, поймете его и вѣроятно опѣните. Женщины картинъ Лемана — это не тѣ поэтическая, воздушныя, почти неземныя созданія, которыхъ такт часто улыбаются вамъ съ изящныхъ полотен Константина Маковскаго; еще менѣе онъ подходитъ къ типу обольстительныхъ прелестницъ тенденціозныхъ картинъ Сухоровскаго или къ здоровымъ, крупнымъ, нѣсколько неуклюжимъ женщинамъ Боброва. Нѣтъ, въ женскихъ жанрахъ Лемана вы не увидите ни поэзії, ни публистики, ни чувственности, но за то въ нихъ много тонкаго вкуса, приличного шика и хорошаго реализма. Художникъ очевидно съ болѣшю любовью рисуетъ своихъ женщинъ. Но онъ не идеализируетъ ихъ, не осуждаетъ ихъ и никогда не забываетъ границъ пѣломудрия. Короче, онъ изображаетъ молодыхъ, привѣтливыхъ и милыхъ женщинъ порядочного круга, быть можетъ

нѣсколько кокетливыхъ, но всегда пристойныхъ и скромныхъ.

Переходя къ жанру, слѣдуетъ упомянуть о нѣсколькихъ холстахъ В. Маковскаго, въ общемъ гораздо менѣе удачныхъ, чѣмъ прежнія работы этого художника. Добродушный юморъ, еще недавно сквозившій въ каждомъ его штрихѣ, теперь только отгасъ напоминаетъ о себѣ въ небольшой картинѣ — „На бульварѣ“. Остальная же его вещи, какъ-то: „Охотники“, „Въ трактире“, „Передъ курантами“ и особенно „У воспитательного дома“ не производятъ никакого впечатлѣнія.

Изъ четырехъ картинъ, выставленныхъ К. А. Савицкимъ, одна — „Курильщики“ — очень наивно задумана и недурно выполнена. Мальчишки-школьники съ книжными сумками подъ мышкой или за плечами возвращаются послѣ уроковъ домой и по дорогѣ закуриваютъ папиросы. Конечно у такихъ курильщиковъ спички всегда при себѣ, и вы видите какъ одинъ изъ нихъ, самый младшій, ставши спиной противъ вѣтра, съежился и съ изабоченнымъ лицомъ закуриваетъ какой-то окурокъ.

М. П. Клодтъ выставилъ пять холстовъ: „Стрѣлецъ“, „Хохлушка“, „Капуцинъ“, „Пушкинъ у Гоголя“, и Конецъ „Мертвыхъ душъ“. Послѣдними двумя онъ задумалъ что-то капитальное, крупное, но... отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ! Гоголь, сжигающій окончаніе „Мертвыхъ душъ“, представленъ стоящимъ у пылающаго камина. На полу разбросаны портфели и свитки, болѣе похожіе впрочемъ на дрова, чѣмъ на свернутые листы бумаги. Однако по количеству этихъ свитковъ можно подумать, что Гоголь собирается скжечь цѣлуя библиотеку, а не одну рукопись въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Но это мелочи и пустяки въ сравненіи съ

полненню. Особенно хороша верхняя часть картины, гдѣ сквозь вѣтви, какъ-бы отдѣляющихся отъ полотна, виднѣется темно-голубое небо. За Шишкинымъ должно поставить Е. Е. Волкова, а за нимъ и А. А. Киселева. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою оригинальную физиономію, но къ сожалѣнію почти невозможно говорить о пейзажѣ, не имѣя его передъ глазами. Здѣсь нѣтъ такъ называемаго содержанія, какъ, напримѣръ, въ жанрѣ или исторической живописи; здѣсь нечего рассказывать, потому что здѣсь все закрыто отъ колорита, отъ яркости цветовъ и сочетанія красокъ, которымъ не поддаются описанію, хотя невольно чувствуются присмотрѣвшимися глазомъ. Можно хвалить или порицать данный пейзажъ, можно говорить объ общемъ впечатлѣніи, которое онъ вызываетъ, но нельзѧ указывать на частности, если онъ заключаются въ такихъ вещахъ, какъ стволы деревьевъ, трава, цветы и т. п.

Въ цѣломъ — передвижная выставка этого года отличалась замѣнительнымъ богатствомъ, и количественнымъ, и качественнымъ. Счастливый случай соединилъ здѣсь не только мимолетныя работы бояре или менѣе талантливыхъ художниковъ, но и такие картины, которые писались много лѣтъ, и изъ которыхъ каждая могла бы стать дорожимъ украшеніемъ любой выставки. Если же въ нашемъ обзорѣ, далеко не полномъ, оказалось болѣе мрачныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ красокъ, то все же потому только, что мы предпочитали указывать на устранимые недостатки, чѣмъ преддаваться безполезнымъ и мало вразумительнымъ восторгамъ.

А. К-ковъ.

—* БОНЕЦЪ. *

XV передвижная художественная выставка. — Заглохшая рѣка.

Картина Е. Е. Волкова.

Поѣздка по Закаспійской области.

(Продолженіе.)

ЕНЬ 3-го мая, предназначавшійся для поѣздки въ окрестности, пришлось провести въ укрѣпленіи, вслѣдствіе дождливой погоды. Вечеромъ собрались за обѣдомъ у главно-начальствующаго всѣ офицеры мѣрвскаго гарнизона и ханы, которые вовсе не чувствовали себя стѣсненными въ новой для нихъ обстановкѣ, развязно бесѣдовали съ сосѣдями-офицерами, пили вино и водку, не признавая запрещеній корана. Любезное отношеніе князя къ своимъ гостямъ и теплое участіе, выраженное имъ въ разговорѣ съ офицерами, къ тяжелымъ условіямъ ихъ службы, придали вполнѣ непринужденный характеръ нашей трапезѣ и произвели отрадное впечатлѣніе на мѣрвскихъ нашихъ отшельниковъ; особенно же ободрила офицеровъ высказавшая княземъ надежда на замѣну будущею осенью расположенныхъ нынѣ въ Мерѣ частей войскъ другими.

4-го мая главно-начальствующій, въ сопровожденіи прибывшихъ съ нимъ лицъ, отправился въ восточную часть мѣрвскаго оазиса, гдѣ verstахъ въ 25—30 отъ укрѣпленія Коушутъ-хана сохранились остатки древнихъ городовъ Мерва изъ периода его цѣнѣнаго состоянія. Мѣстность, по которой мы ходили, изрѣзана арыками, выведенными изъ Тохтамышскаго канала и орошающими посыбы племенъ Бекъ и Векиль; между ними разбросаны аулы изъ кибитокъ разной величины. Близъ самой же Коушутской крѣпости ютится рядъ сакель, окруженнныхъ садами, которые огорожены глиняными стѣнками. Къ бѣти ча-

XV передвижная художественная выставка.

Пушкинъ у Гоголя.

Картина М. Н. Клодтъ.

самъ вечера мы прибыли въ аулъ или оба Юсуфъ-хана, управляющаго племенемъ Векиль, гдѣ приготовленъ былъ почлегъ.

Въ этомъ аулѣ живетъ мать Юсуфъ-хана, Гюль-Джамалъ, вдова бывшаго хана ахальскаго и мервскаго, Нуурверди, пользующаяся большимъ уважениемъ въ народѣ и имѣвшая не маложданное влияніе на принятие мерами рѣшеннѣе добровольно вступить въ подданство Россіи. Во вниманіе къ оказанной ею въ этомъ случаѣ услугѣ Государю Императору угодно было показовать Гюль-Джамалъ богатый нарядъ съ собольей опушкой и кушакъ съ большиими, изъ тускнѣющей икусѣ, прижками, усыпанными бирюзой и кораллами. Для прушенія ей царскіхъ подарковъ Гюль-Джамалъ была притгашена къ кибиткѣ главноначальствующаго, у которой собралась свита князя и толпа аулъныхъ жителей. Такъ-какъ ханша не была предварена о предстоящемъ врученіи ей подарковъ отъ Акы-Падишаха, то она явилась одѣтою совершенно просто, какъ все тикинки женщины, въ сопровожденіи Мухтумъ-Кули- и Юсуфъ-хановъ. Гюль-Джамалъ еще не старая женщина, небольшаго роста, съ монгольскимъ типомъ, присущимъ большинству тикинокъ, которыхъ пришлое видѣть. На слова главноначальствующаго, что Государь, узнавъ о ея полезныхъ услугахъ мервскому народу и русскому правительству, пожелалъ выразить ей высокое свое благоволеніе выраженою ею пожалованіемъ отъ себя подарка, привезенного изъ Петербурга сыномъ князя, Гюль-Джамалъ скромно отвѣтила, что она не смѣеть считать себя достойною такого вниманія, пренсполнена благодарности за большую милости, оказанную сыновьямъ ея покойного мужа, и чрезъмѣро счастлива уже тѣмъ, что маленькая ея удача стала известна великому Бѣлому царю. Тутъ-же поднесены были ханши царскій халатъ и накинуть на плечи двумъ ея сыновьямъ; въ этомъ нарядѣ, при звукахъ казачьей музыки и на глазахъ жителей, съ любопытствомъ слѣдившихъ за происходившемъ церемоніею, Гюль-Джамалъ, степенно постуپнувъ въ свою кибитку, куда всѣдѣлъ за нею, отнесены были и другой царскій подарокъ.

Переночевавъ въ аулѣ Юсуфъ-хана, мы слѣдующимъ утромъ побѣхали осматривать развалины старыхъ городовъ; всѣ они лежатъ въ одної группѣ и занимаютъ обширное пространство, свидѣтельствующее о величинѣ и многолюдности древняго Мерва. Ближайший къ Юсуфъ-ханову аулу и позднейшій по времени развалины принадлежатъ городу Байрамъ-Али, называемому такъ по имени послѣд资料 правителя Мерва изъ Каджарскаго рода, построившаго здѣсь крѣпость, въ которой онъ и погибъ въ войнѣ съ бухарцами въ концѣ прошлаго столѣтія, а городъ былъ совершенно разрушеннъ. Тѣмъ не менѣе, изъ остатковъ прежніихъ мервскихъ городовъ развалины Байрамъ-Али наиболѣе сохранившися; съ западной стороны его видны слѣды предметовъ, доходившихъ до самой парадной стѣны города, чрезъ которую ведутъ болѣй сводчатыя ворота; внутри города былъ раздѣленъ на три части, обнесенныя каждая стѣной; изъ нихъ въ центральной, служившей вѣроятно цитаделью, находился ханскій дворъ. Изъ остатковъ строеній, болѣе частью разрушенныхъ и занесенныхъ на половину землей и пескомъ, сохранились еще пѣсколько мечетей, бань съ живописью на стѣнахъ въ персидскомъ вкусѣ, громадное медресе, по всѣ они, конечно, въ такомъ

состояніи, что многія части ихъ ежеминутно угрожаютъ паденіемъ. Среди этихъ развалинъ валиется масса обожженаго кирпича разныхъ оттенковъ съ лазуревою облицевкою, черепки посуды, монетъ, женскихъ украшений и проч.

Въ разстояніи версты трехъ отъ Байрамъ-Али-кала лежатъ смѣшныя развалины двухъ древнѣйшихъ городовъ рода: самый громадный изъ нихъ мы называемъ Гиуръ-кала; надо полагать,

Иранскаго пѣбыль называется что это и есть

перъ еще сохранилось отъ нея пѣсколько архитектурныхъ памятниковъ, между которыми особенно замѣтно грандіозное зданіе на подобіе мечети, воздвигнутое надъ могилою султана Санджара и имѣющее до 17-ти саженъ высоты.

По возвращеніи изъ древнихъ городовъ въ аулъ Юсуфъ-хана мы вновь воспользовались его гостепріимствомъ и провели тамъ ночь, по невозможности вернуться въ тотъ же день въ укрѣпленіе наше на Мургабѣ. 6-го мая утромъ, передъ

Музыканты и пѣвицы въ Теджентѣ. — Верблюды, украденный для отвоза новобрачной изъ дома родныхъ.

Поѣздка по Закаспійской области.

Съ фотографіей бр. Кондратенко рис. В. Павловъ.

древній Мервъ, извѣстный въ старинныхъ иранскихъ письменныхъ памятникахъ подъ именемъ Муръ или Мару. Отъ него остались теперь слѣды высокаго земляного вала, протяженіемъ, какъ говорятъ, болѣе 20-ти верстъ, и внутри множества кургановъ, вѣроятно скрывающихъ не мало предметовъ величайшаго интереса для исторической археологии. Рядомъ съ Гиуръ-калою находятся развалины Искендеръ-калы, города, основаннаго здѣсь будто бы, Александромъ Македонскимъ или однимъ изъ его полководцевъ; въ этихъ развалинахъ, занесенныхъ также землею, не видно никакихъ слѣдовъ наружныхъ памятниковъ. Наконецъ, сице пѣсколько далѣе лежатъ развалины обширнаго города Султанъ-Санджаръ-кала, построенаго въ XI вѣкѣ по Р. Х. знаменитѣмъ государемъ того же имени Сельджукской династіи. Столица эта, славившаяся своимъ великолѣпіемъ и бойкою умственою жизнью, погибла при нападѣніи полчищъ Чингиза. Впрочемъ, тѣ

его производительныхъ силъ, такъ и до установления тѣхъ спошней съ сосѣдами, чemu особенно благоприятствуетъ выгодное положеніе Мерва. Около 6-ти часовъ, когда жара стала спадать, князь произвелъ парадъ войскъ мервскаго гарнизона по случаю празднованія дnia

совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича. Затѣмъ передъ поѣзденiemъ главноначальствующаго собраны были ханы, разныя почетные лица, ишаны, судьи, старшины, которые заявили себѣ какими-либо услугами нашей администраціи; всѣхъ ихъ кназъ благодарили за службу и лично раздавали награды, заключавшіяся въ медаляхъ и разныхъ цѣнныхъ подаркахъ. Между тѣмъ вѣтъ стѣнъ укрѣпленія приготовлено было, по приказанію главноначальствующаго, угощеніе для народа, которому черезъ хановъ объяслено было значеніе празднуемаго нами въ этотъ день торжества; внутри же укрѣпленія угощаемы были нижне чины гарнизона. Когда стемѣло, на близкайшемъ къ Мургабу, съверо-западномъ углу Коушутской крѣпостной стѣны сожженъ былъ фейерверкъ передъ массою проводившихъ внизу тѣкинцевъ; при появлѣніи горѣвшаго щита съ вензелемъ Государа музыка запела „Боже, царя храни“, а съ валовъ нашего укрѣпленія произведены были орудійные выстрѣлы и ружейные залпы стрѣлковъ, сопровождавшіеся перекатнымъ „ура“. Когда раздались выстрѣлы орудій, гулъ отъ которыхъ громко разносился по Мургабу, долетавший до насъ шумъ изъ тысячной толпы ужинавшихъ туркменъ мгновенно смолкъ; оказалось, что мѣрциевъ неожиданно поразилъ этотъ эффектный финаль праздника 6-го маія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОТЕЛЬ ДРУО.

(Окончаніе.)

III.

Когда-то Ла-Брюйеръ зло и остроумно посмѣялся надъ собирателями медалей, эстамповъ, картина, и если онъ не сдѣлалъ того же относительно любителей манускриптовъ, то вѣроятно только по забывчивости. Не углубляясь въ исторію древнаго Рима, когда какой-то меценатъ предлагалъ Плинію громадную

сумму въ 400.000 сестерціевъ за его знаменитую библиотеку, ограничившимъ болѣе близкой къ намъ эпохой. Еще

недавно, въ концѣ прошлаго столѣтія, манускрипты не

сего и разоблачать скрытые грѣшки историческихъ знаменитостей. Можно легко себѣ представить то наслажденіе, съ которымъ какойнибудь любитель перечиты-

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ. — ФИНЛЯНДЕЦЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ.

Этюдъ А. Эдельфельта. Съ рисунка, исполненного первымъ грав. Ш. Бодъ въ Парижѣ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ. — На водопоѣ.

Картина В. Вейгсаута.

придавали почти никакой цѣны. Быть можетъ, письма Мазарини служили тогда для обертки сѣбѣчай, а въ сатири Буало спокойно заворачивался чай-нибудь инжирательный табакъ. Фелье де-Коницъ, извѣстный авторъ „Causeries d'un critique“, разсказываетъ о письмахъ Маріи Антуанетты къ г-же Полиньи, найденныхъ имъ у какого-то незначительного торговца фруктами; а когда въ 1820 году 40 собственоручныхъ писемъ Вольтера были проданы за 460 франковъ, то эта цифра казалась вѣсмъ настолько значительной, что о ней долго не переставали говорить. Немножко позже поступили въ продажу письма ш-ре де-Севиньи за 45 франковъ и г-жи Помпадур — за 15! Только въ Англіи цѣною стерлинговъ приобрѣтались листы письма европейскихъ монарховъ къ Наполеону I, да и то потому скорѣе, что опасались ихъ публикации, непріятной для заинтересованныхъ. Въ Парижѣ торговля манускриптами вошла въ моду сравнительно очень недавно и о возрастающихъ ея успѣхахъ можно судить хотя бы по тому факту, что въ 1830 г. здесь было всего 28 подобныхъ распродажъ, а въ промежутокъ 1830—1860 гг. число ихъ поднялось до двухсотъ. Съ тѣхъ поръ собирание манускриптовъ стало превращаться въ какую-то страсть, принимающую подчасъ колоссальные размѣры. И въ самыи дѣлѣ, можно отыскать своего рода удовольствіе въ обладаніи пожелавшей отъ времени бумагой, запечатленной геніемъ и рукой великаго человѣка, его фантазіей и мыслию, любовью и гѣлѣю, надеждами и разочарованіями. Кто изъ насъ не заводилъ альбома, чтобы имѣть собрание подписей, замѣтокъ, рисунковъ или стиховъ близкихъ друзей знакомыхъ? Конечно большинство обыкновенныхъ любителей всего болѣе дорожитъ галантной перепиской Фринъ и Ловласовъ, которыхъ не мало во всякой эпохѣ. Безспорно, очень любонитно владѣть какими-нибудь неопровергаемыми, вещественными доказательствами тайныхъ привязанностей великихъ мѣра

Всемирный Илюстратор

№ 959. Годъ XIX.]

30-го мая 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 23.

ДОЧЬ СВЯЩЕНИКА.

РОМАНЪ.

Софии Михайловой.

Tакъ ты рѣшительно отказываешься отъ брака съ Павломъ Платоничемъ? спросилъ молодой представительный священникъ сестру, сидѣвшую у окна. Она стояла посереди комнаты изъ позѣ человѣка, нетерпѣливо ожидающаго конца разговора, видимо наскучившаго ему. Въ лицѣ его было холодное недовольство. Дѣвушка сидѣла угрюмая.

— Рѣшительно отказываюсь, отвѣтила она: Павелъ Платоничъ мнѣ не нравится. Тяжело будетъ жить съ нелюбимымъ человѣкомъ и вѣчно слушать: „Господи помилуй“ и „Аллилуйя“!

— Твоя мать всю жизнь слушала этотъ припѣвъ отъ твоего отца, я, твой братъ, самъ вычитывая этотъ припѣвъ и не нахожу тутъ ничего скучнаго. Отчего же ты, дочь и сестра священника, боишься всю жизнь слушать этотъ припѣвъ?

— Очень просто: оттого, что я должна буду выслушивать этотъ припѣвъ изъ устъ человѣка нелюбимаго.

— Кого же ты ждешь? насмѣшило спросилъ братъ, капитана гвардіи, быть можетъ?

— По крайней мѣрѣ не идиота, рѣзко отвѣтила дѣвушка.

— Идиота?! Священникъ широко раскрылъ глаза. Откуда ты набралась этихъ словъ, Клавдія? Это все вліяніе семейства Дубовскихъ. Я увѣренъ, что не познакомься ты съ Марьей Степановной и не наслушайся ея бредней, ты иначе бы взглянула на этотъ бракъ, выгодный во всѣхъ отношеніяхъ. Павелъ Платоничъ искренно къ тебѣ расположеннъ, мѣсто у него будеть прекрасное, жить вы будете только вдвоемъ, родныхъ у него нѣть, — и Михаилъ Григорьевичъ перечислилъ обстоятельно всѣ выгоды предстоящаго брака. — Чего тебѣ еще нужно?

Сестра упорно молчала. Михаилъ Григорьевичъ приходилъ въ видимое раздраженіе.

— Но, Клавдія, ты должна же наконецъ подумать и о будущемъ. У меня своя семья; братъ Дмитрій можетъ тоже жениться; неужели же ты согласишься тяжелымъ бременемъ быть для твоихъ родныхъ?

Это была истинная причина, по которой братъ желалъ ея скорѣйшаго супружества, и дѣвушка стало вдругъ особенно тяжело. Она не желаетъ обременять собою семью брата.

— Я пойду куда-нибудь въ услуженіе, супрово сказала она.

— Намъ это будетъ непрѣятно, мы на это не согласимся, тѣмъ болѣе, что у тебя есть приличный выходъ — бракъ съ служителемъ церкви, желая быть торжественнымъ, сказалъ братъ. Сестра упорно промолчала и на это. Михаилъ Григорьевичъ раздражался все больше и больше.

— Такъ ты и послѣ всего рѣшительно отказываешься отъ брака съ Павломъ Платоничемъ? несдержанно, грубо спросилъ онъ сестру.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы.

— Если вамъ такъ необходимо выгнать меня, съ горечью сказала Клавдія Григорьевна, то я не буду стѣснять васъ... Вы желаете, чтобы я

оставила вашъ домъ, и я оставлю его — я уйду.

Отвѣтъ сестры окончательно взорвалъ священника.

— Уходи! уже гнѣвно выговорилъ онъ, уходи! Но посмотримъ, какую „аллилуйю“ затянемъ ты въ жизни своей. И, быстро повернувшись, онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, его кабинетъ, где за письменнымъ столомъ сидѣлъ его второй братъ, профессоръ бѣской духовной семинаріи, и внимательно слушалъ разговоръ Михаила Григорьевича съ сестрой.

— Рѣшительно отказывается! хмуро сказала священница, входя въ кабинетъ.

— Женихъ не по вкусу, иронически замѣ-

тиль профессоръ, сдѣлавъ непрѣятную гримасу.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло: я вижу тутъ вредное вліяніе Дубовскихъ.

— Можетъ быть и то, равнодушно замѣтилъ профессоръ. Въ итогѣ однако оба брата остались недовольны решеніемъ сестры.

Клавдія Григорьевна продолжала сидѣть на томъ же мѣстѣ. Она глубоко, тяжело задумалась. Откровенное напоминаніе брата о томъ, что она лежитъ бременемъ на ихъ шеѣ, сильно задѣло ее. Куда же дѣться? Неужели выйти замужъ за человѣка, который не нравится? Она не въ состояніи этого сдѣлать. Въ комнатѣ было тихо, и изъ кабинета до нея доносились

Русские художники. — Крестьянка Тульской губерніи.

Этюдъ Н. Шаховскаго.

— 3-го іюня (22-го мая) імператор Вільгельмъ совершилъ близъ Гольгена торжественную закладку морского канала между Сѣверинъ и Балтійскими морями. На церемонії присутствовали принцы, министры, члены союзного съюза, президенты рѣбѣстага и сейма и многія другія лица. Несмотря на довольно сильный морской вѣтеръ, імператоръ возвратился изъ Киль моремъ, на пароходѣ „Роммеганіа“. Народъ всходу привѣтствовалъ імператора восторженными кликами.

— По поводу англо-турецкой конвенціи относительно Египта газета „Paris“ сообщаетъ, будто бы къ конвенціи приложена тайная статья, гласящая, что Англія и Турція заключаютъ между собою оборонительный и напастительный союзъ при взаимной гарантіи своихъ азиатскихъ владѣній.

— „Liberté“ сообщаетъ, что военный министръ Феррон готовъ отказатьсь отъ проекта относительно производства оружія мобилизациі.

Добываніе соли на островѣ Челекенѣ.

Огромныя пространства русскихъ владѣній въ средней Азіи до настоящаго времени почти не исследованы; быть можетъ, въ этой дикой стени погребены неисчислимые богатства ввидѣ каменного угля, различныхъ рудъ, соли и проч., которыми восползутъ будущія поколѣнія; въ настоящее же время извѣстны только тѣ скопища азиатскихъ земель, которыхъ утилизируетъ аборигенъ пустыни — дикий туркменъ.

Туркменъ знаетъ очень мало производства; то, чего не могутъ дать ему верблюды и овцы, онъ получаетъ мѣньюю сѣлькою или просто грабежомъ отъ болѣе цивилизованныхъ соседей. Удовлетворяя такимъ образомъ своимъ ограниченнымъ потребностямъ, туркменъ никогда не заглядываетъ въ кладовыя земли: достаточно того, что пустыня даетъ ему отъ своихъ щедростей, вносящихъ на дневную поверхность нефть — видѣ истощниковъ и соль — видѣ залежей.

Солинныя залежи находятся въ общественномъ владѣніи у туркменъ-иумрудовъ, жителей острова Челекенѣ. Право личной разработки имѣетъ каждый членкенецъ; добываніе наемными силами не допускается вовсе. Торговлей солью и нефтью существуетъ до 700 туркменскихъ семей на островѣ, не умѣющими ничего дѣлать и не могущими въ настоящемъ время запускать свои когти въ нестороженныхъ мореходахъ-торговцевъ, какъ это было лѣтъ 20 назадъ.

Разработка соли въ самыи большихъ размѣрахъ производится на островѣ Челекенѣ, лежащемъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, южнѣ Красноводской косы, въ 40 verstахъ отъ материка. Островъ имѣетъ грушевидную форму и простирается съ сѣвера на югъ на 60 verst. Пустынныи низкѣ не покрыты никакимъ растительностью берега, цѣлѣ горы, охватывающиѣ кольцомъ средину его, съ нефтяными источниками по склонамъ (до 3.500 источниковъ), кратерообразная впадина въ центрѣ какъ бы свидѣтельствуетъ о вулканическомъ происхожденіи острова. Въ котловинѣ, окаймленной горами, подъ слоемъ песку въ 1/4 аршина залегаетъ соль, которую туркмены вырабатываютъ небольшими и желѣзными топориками, вынимаютъ изъ выступающей при разработкѣ густой грязной жидкости, высушиваютъ на солнцѣ и придаютъ книжалами и пашаками эту же форму параллелепипедовъ. Соль въ котловинѣ лежитъ не сколько толщами; какъ глубоко онѣ простираются — туркменъ не знаетъ: онѣ беруть только верхніе пласты, пренебрегаютъ нижними, разработка которыхъ требуетъ большого труда. Всѣдѣствіе отсутствія вывозной торговли, туркменъ продаетъ добычу соль только на мѣстѣ разработки, гдѣ она грузится на верблюдовъ, подвозится къ берегу и здѣсъ продается персидскимъ и отчасти кавказскимъ купцамъ по 80 коп. за „халваръ“ (мѣстная мѣра: халваръ равняется 30 пудамъ). Такая лешевизина соли обусловливается небольшимъ спросомъ на нее и малоизвестностью мѣстонахожденія.

Пожарь въ театрѣ „Комической оперы“ въ Парижѣ.

13-го (25-го) мая въ Парижѣ случилась страшная катастрофа: спроѣло зданіе театра „Комической оперы“ во время спектакля. Вотъ какъ передаютъ это ужасное событие парижской газеты:

Шла „Mignon“; первый актъ приходилъ къ концу. Вдругъ въ залѣ поднялись крики „гориць“, распространяясь въ публикѣ невѣроятною паники. Загорелись декоративные драпировки, затѣмъ занялись сами декорации. Благодаря сильнѣ тѣй, огонь поднялся наверхъ и охватилъ деревянную галлерею. Публика бросилась къ выходамъ; люди давили друга друга, падали, растянувшись вновь прибывающими толпами. Подъ вліяніемъ охватившаго всѣхъ ужаса привратники забыли отворить двери ложъ, которымъ сѣдѣли магирами множества народа. Театръ сгорѣлъ до оснований, осталась однѣ стѣны безъ крыши. Въ парижской префектурѣ лежалъ теперь 430 слишкомъ просьбы объ отысканіи пропавшихъ безъ вѣсти, поданными въ родственниками; число не найденныхъ еще жертвъ, по сѣдѣніямъ полиціи, простирается до 79-ти. Вокругъ пожара рас пространяется сильный трупный запахъ; смежныя съ нимъ

улицы оцѣплены кордономъ, и публика на мѣсто катастрофы не допускается.

Замѣтно то обстоятельство, что всего недѣль за дѣй до пожара театръ осматривала правительственная инспекція и не нашла его опаснымъ въ пожарномъ отношеніи. А между тѣмъ это старое зданіе представляло всѣ удобныя шансы къ такому несчастію. Коридоры всѣ низки и узки, постепенно суживаются еще въ верхнихъ ярусахъ; въ нихъ едва могли ступить въ рядъ трое человѣкъ. Выходовъ было очень мало, напр., въ мѣстѣ къ кресламъ вела всего одна узенькая дверь. Поэтому изѣтъ ничего удивительного, что послѣднее несчастіе съ „Комической оперой“ поглотило массу человѣческихъ жизней. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи и почти всѣ остальные парижскіе театры не уступаютъ зданію „Комической оперы“: всѣ они — такой же старой конструкціи, какъ будто насмѣхаются надъ выработанными теперь мѣбрьми предосторожности противъ огня, и — случись несчастіе — они также сгорѣли бы какъ свѣчка, похоронивъ подъ своими развалинами такое-же громадное количество труповъ.

Въ Парижѣ открыта подиска въ пользу пострадавшихъ, и „Новое Время“ приглашаетъ русскую публику, желающую пріести свою лепту на доброе дѣло, адресовать въ редакцію газеты или прямо въ Парижъ, префектуру полиціи Гранжону (M. Gragnon, prѣfet de police).

Художественная выставка въ Венециѣ.

Этой весной „Serenissima“ Венециѣ отпраздновала три торжества: первое представленіе оперы Верги „Отелло“, открытие памятника Виктора-Эммануила и открытие художественной выставки. Всѧ Италия собралась къ коругамъ венецианскаго льва; тысячи иностранцевъ отовсюду сѣѣжаются въ городахъ св. Марка: всѣхъ привлекаетъ сюда художественная выставка.

Среди „общественныхъ садовъ“ (giardini pubblici) возвышается роскошный дворецъ выставки, выстроенный по чертежамъ архитектора Энрико Тревизандо; обширное зданіе занимаетъ собою громадную площадь въ 7.500 квадратныхъ метровъ и представляется ввидѣ треугольника, одна сторона которого прилегаетъ къ лагунѣ, другая касается канала Сан-Джузеппе, а третья окружена „общественными садами“. Главную часть зданія составляетъ полукруглая „длинная“ галерея, дѣлящаяся входомъ на дѣй разныхъ частей; передъ входомъ раскладывается терраса изъ белаго мрамора съ широкимъ подѣломъ. Видъ отсюда великолѣпенъ: подиумы лѣстницъ купаются въ темно-голубыхъ волнахъ, разбивающихся о твердый мрамор; сѣла лежатъ въ отдѣлѣніи Лido, на югѣ — острога св. Елены и Мурано; въ ясную погоду на горизонѣ видѣются даже тонкіе, воздушныи силузы возведеніи береговъ Истрии. Всѣ здѣсь покрыты гондолами и маленькими пароходиками; это итальянскіе сѣѣща наслаждаться выставкой. Для пѣшѣходовъ есть еще одинъ входъ — съ противоположной стороны дворца, изъ „общественныхъ садовъ“.

Венециѣ кипитъ теперь небывалою жизнью, проснувшись отъ своей традиціонной летаргіи.

Среди выставленныхъ картинъ, кромѣ работъ современныхъ итальянскихъ художниковъ, почетное мѣсто въ количественномъ отношеніи занимаетъ испанская школа. Затѣмъ тутъ замѣчается большое число произведеній скульптуры. Какъ известно, до послѣднія временія итальянская скульптура сильно опередила живопись, такъ какъ въ Италии гораздо сильнѣе развито пониманіе формы, чѣмъ пониманіе красокъ. Въ общемъ венецианская выставка можетъ дать прекрасный материалъ для новыхъ наблюдений и выводовъ о состояніи искусства въ молодомъ государствѣ, такъ недавно объединившемся и успѣвшемъ уже занять почетное мѣсто среди культурныхъ народовъ Европы.

Пляска Саломеи передъ царемъ Иродомъ.

Жако Рошгрессъ — еще молодой художникъ, получившій уже однакъ большую известность какъ въ артистическомъ мѣрѣ, такъ и въ публикѣ, и французскіе художественные критики не разъ съ похвалой отзывались обѣго его талантѣ. Едва ли представляется теперь надобность приводить содержаніе картины: сюжетъ ей вѣсѣльно-извѣстенъ, и мы можемъ коснуться лишь частностей. На возвышеннѣи эстрадѣ въ видѣ мрачнаго Ирода: сѣла расположились гости; передъ ними, подъ звуки странной восточной музыки — арфъ, тимпаны и египетскіе гремучки — извѣсняется въ сладострастной плясѣ Саломе, какъмыѣ движніемъ своего гибкаго, стройнаго стана овѣдѣнѣя зрителями, опьяняющими, кружа головы. Въ душѣ Ирода зарождаетсяbezпокойство, смущеніе. Иродѣ слѣдить за ними, но свояя глаза, старается проникнуть въ его мысли и ждѣть удобной минуты, чтобы привести въ исполненіе задуманный планъ. А общее очарованіе все усиливается, страсть и нѣга разливаются по обширному поков...

Этотъ именно моментъ, и представилъ намъ высокодаровитый художникъ.

Могила Мотри Коучубей въ Полтавѣ.

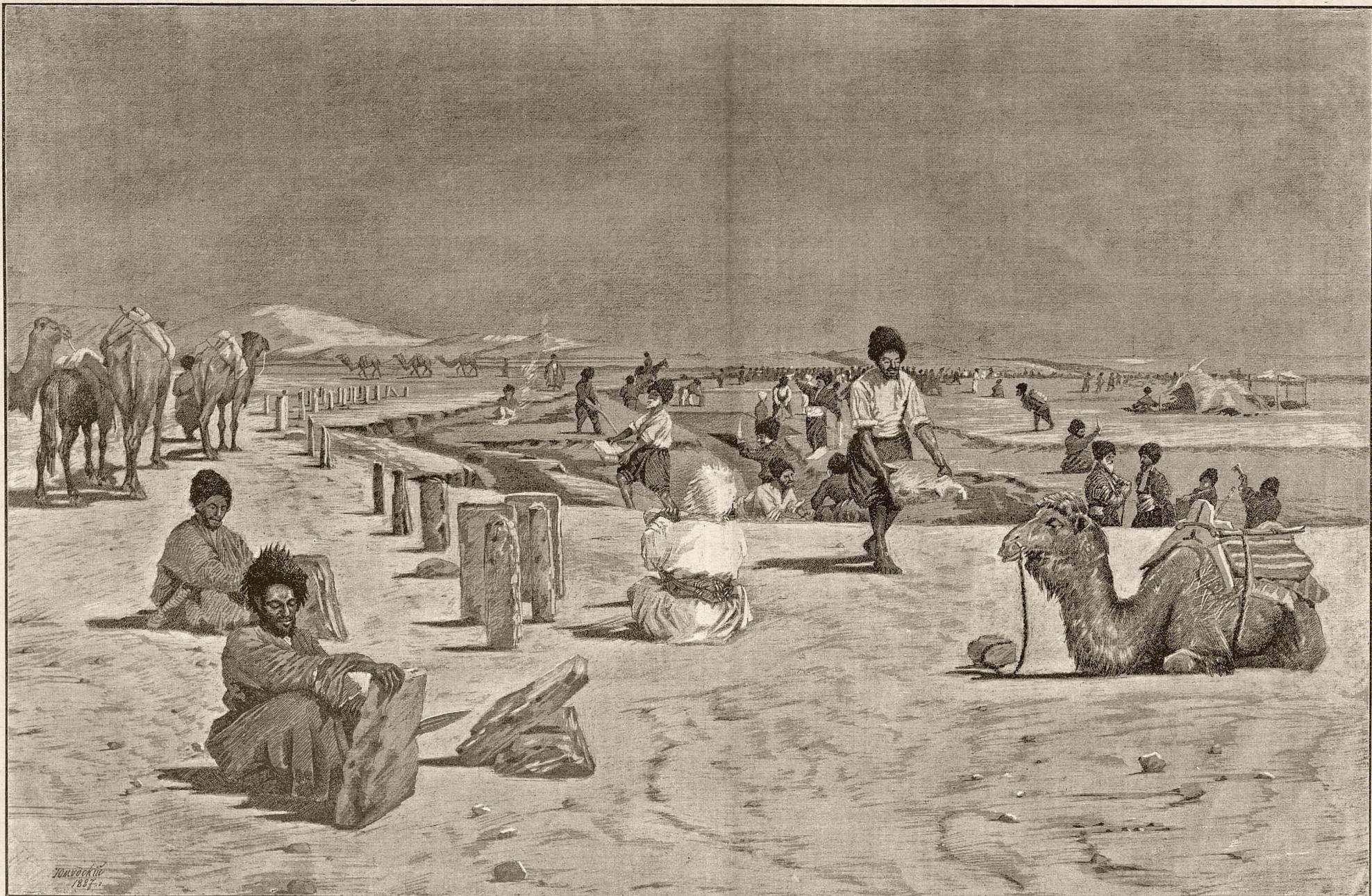
Въ семи verstахъ отъ г. Полтавы, на рѣкѣ Ворсклѣ, близъ хутора Чаплинскихъ, до сихъ поръ показываютъ могилу несчастной дочери полковника Коучубея; на небольшомъ холмикѣ тутъ стоитъ простой деревянный крестъ. Мѣстная молодежь каждый годъ собирается здѣсь въ день Ивана Купала, справляя чисто-языческій праздникъ: зажигаются купальские огни, разводятся костры, вокругъ которыхъ водятъ хороводы или коло — по мѣстному народнѣ. Эти игры напоминаютъ древне-русское чествование Перуна или Ярилы и другихъ боговъ языческаго культа. Могила Мотри Коучубея сѣдѣла сборищемъ молодежи и считается самыи живописнымъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Полтавы. Имя золополучной Мотренки вспоминается молодежью съ благог

ѣньемъ и состраданіемъ; ходитъ повѣрье, что въ этотъ вечеръ тѣсъ ея принимаютъ участіе въ общемъ весельѣ, и поглавы твердо уверены въ истинѣ этой легенды. Кѣмъ поставленъ крестъ — исторія умалчиваетъ, но по виду онъ очень старъ, такъ что его можно отнести къ петровскому времени.

Колодезь св. Антонія и колодезь св. Феодосія въ Киево-Печерской лаврѣ.

(Къ рисунку въ № 957 „Всем. Илл.“)

Въ числѣ заслуживающихъ вниманія святыи старого Києва находятся два колодезя съятыхъ основателей Киево-Печерской лавры, исконные ихъ собственными руками. Начало русской святыни относится къ XI вѣку, т.-е. къ 1050 году, когда преподобный Антоній, великий подвижникъ проволосавъ, испросилъ мѣсто, т.-е. гору, у великаго князя киевскаго Изяслава I для иконокъ, а первый игуменъ обители преподобный Феодосій заложилъ первое основаніе великолѣпнаго храма въ 1073 году. Достроилъ его второй священникъ игуменъ обители Стефанъ, преемникъ св. Феодосія, обнесъ оградой и перевѣлъ братію изъ древнѣй пещерной обители въ новую; но и онъ оставилъ лавру прежде ея совершенія. Великій игуменъ Никонъ, одинъ изъ первыхъ спасавшихъ съ преподобными Антоніемъ и постригшій самого св. Феодосія, будучи призванъ послѣ его въ настоятели лавры, имѣлъ только утѣшнѣе видѣть ее расписанной пріешлецами цареградскими. Преподобный Антоній, гражданинъ города Любечи, ходилъ паломникомъ въ Грецію, на Афонскую гору, и постригся тамъ въ монахи. Воротясь въ Россію, онъ поселился недалеко отъ Києва, на берегу Днѣпра, гдѣ въилъ самъ себе пещеру, въ которой поселился. Слава о святыи св. Антонія привлекла къ нему нѣсколько послѣдователей; онъ образовалъ изъ нихъ первую русскую монастырскую общину, поставилъ имъ по просьбѣ братіи игуменъ, а самъ затворился въ пещерѣ, не выходя изъ неї 40 лѣтъ. Монахи сначала жили также въ исконныхъ ими пещерахъ, откуда и называли монастырь „Печерскій“. При преподобномъ Феодосіи братія построила монастырскую зданію. Настоящимъ устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Оѣднавши устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Феодосій. Имъ съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, ходилъ въ разныи монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вѣдѣ ему отказывали за его простоту и худыи одѣжды. Наконѣцъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Феодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго

Закаспійскій край.— Добываніе соли на островѣ Челекенъ.

Рисов. Н. Юмудскій.

Всемирный Иллюстратор

№ 961. Годъ XIX.

13-го июня 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 25.]

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

При этомъ номерѣ »Всемирной Иллюстраціи« разсылается для всѣхъ подписчиковъ четвертое художественное приложение за 1887 годъ —

автотипія съ картины профессора Ю. Клевера
»Лѣсной Царь«.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и тг. новые подписчики получать журналъ съ 1-го номера со всѣми бесплатными приложеніями.
(См. объявление на 2-й страницѣ.)

Дочь священника.

РОМАНЪ

Софии Михайловой.

IV.

была половина сентября; въ лавкѣ стало замѣтно холоднѣе. Клавдія Григорьевна, окутавъ голову пепельшимъ платкомъ, проворно щелкала счетами, вся углубившись въ свое занятіе.

— Получите деньги! раздался возлѣ нея чей-то голосъ.

Клавдія Григорьевна пришло въ голову, что фраза „получите деньги“, произносимую именно этимъ голосомъ, она слышала много уже разъ; но когда она взглянула въ лицо покупателя, то оно ей показалось совершенно незнакомымъ. Передъ ней стоялъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ серебрянымъ лицомъ и внимательно смотрѣлъ на ея работу. На конторкѣ были разложены разсчетные книги, расписки, лежали счеты.

— А у васъ много работы, мягко замѣтилъ онъ.

— Да, немало, отвѣтила Клавдія Григорьевна, съ недоумѣніемъ взглянувъ въ лицо покупателя. Не смыслъ замѣчанія, но голосъ, какимъ оно было произнесено, показался ей чѣмъ-то новымъ. Изъ посѣтителей лавки никто къ ней такъ не относился. Она не могла бы объяснить, въ чѣмъ именно заключалась разница этого отношенія, но почувствовала эту разницу. Простая, повидимому, фраза оттѣнилась чѣмъ-то особыеннымъ, и этотъ оттѣнокъ заставилъ сильно забиться ея сердце. Въ лицѣ ея выразилась робкая тревога: что-то незнакомое, смутное какъ бы захватывало ее, туманило, не давало соѣтаться съ мыслями.

Сѣрые глаза молодаго человѣка мягко смотрѣли на нее.

— И вы, кажется, рано приходите въ лавку? продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.

Да, къ 6-ти часамъ я должна

Иностранные художники. — Молодое поколѣніе.

Картина К. Раупа.

гласилъ всѣхъ къ себѣ — отдохнуть, закусить и напиться чайку.

Судейкинъ и Нестеровъ попробовали энергично отказатьсь, но игуменъ сталъ упрашивать. Неловко было не уважить просьбы старика, тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ лугъ и нарочно вернулся для гостей.

Отець Онуфрій слышилъ въ городѣ за радушного хлѣбосола и милаго собесѣдника. Онъ угостилъ нашихъ обозрѣвателей такимъ виномъ, какого нельзя и найти въ Болотинскѣ. Одна мадера чего стоила!.. А поваръ считается недаромъ первымъ по уѣзду... Пили, Ѳили, бесѣдовали... Уходя изъ дома, Судейкинъ сказалъ женѣ, что будетъ къ обѣду, въ четыре часа. Но было уже близко къ восьми, когда онъ и Иванъ Ивановичъ на настоятельской ложадкѣ выѣхали изъ монастыря. Фалинъ остался у игумена.

VI.

Y Судейкиныхъ сидѣла въ гостяхъ какая-то барыня съ дочкой. Мать была худощавая женщина лѣтъ сорока, типъ „бой-бабы“, умѣющей постоять за себя и любящей „промышлѣть косточки“ всѣмъ и каждому. Кажется, этимъ самимъ она и занималась вѣнѣ съ хозяйкою — полной женщиною лимфатического темперамента. Любовь Карповна сидѣла на диванѣ, сложа руки на большомъ животѣ и моргала безпрестанно бѣлыми рѣсицами. Въ то самое время, когда въ комнату вошли хозяинъ и Нестеровъ, говорила мадаме Судейкина, а гостья внимательно слушала, причемъ ея большая уши, казалось, стояли, какъ у зайца, насторожѣ, а черные быстрые глаза вились въ дряблое жирное лицо говорившей.

— А вотъ и мы, произнесъ Семенъ Семеновичъ, бросая на рояль соломенную шляпу.

— Хорошъ, нечего сказать! встрѣтила жена, обрывая разсказъ: — вѣдѣ ждать къ четыремъ, а самъ Богъ вѣстѣ гдѣ шлился до восьми!

— Ну, это ты напрасно, мой другъ, съ дѣланной иронией взорвѣлъ супругу: — мы не шлялись Богъ знаетъ гдѣ, а были у честнаго о. Онуфрія. Позволь вотъ тебѣ представить...

Онъ назвалъ имя и фамилию гостя, добавивъ въ видѣ аттестаціи, что это тотъ самыи Нестеровъ и пр.

— Ахъ, очень пріятно, промолвила хозяйка, тщетно стараясь придать подходящее выражение своему жирному лицу. — Вы надолго по-жаловали въ нашъ городъ?

— Только на нѣсколько дней, посмотрѣть древности, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Что мы и дѣлаемъ очень усыпѣно, захватъ Судейкинъ.

Сидѣвшей гостьѣ Нестеровъ молча поклонился, на что та слегка наклонила голову.

— Ну-съ, теперь я васъ представлю барышнѣ, произнесъ хозяинъ и подвелъ петербуржца къ дѣвшкѣ, сидѣвшей у этажерки и разбирающей ноты.

— Вотъ, Евгения Николаевна, намѣренно-шутливо началь Максимъ Максимовичъ: — предъ вами тѣтъ самый Нестеровъ, чью музыку вы такъ любите, потому что играете его романсы и польки...

— Ахъ, да! произнесла дѣвшка томно и слегка вздохнула.

Ей было всѣхъ семнадцать. Невысокая, бѣленная пухленькая блондиночка съ карими глазами, румяными губками и съ ямочками на розовыхъ щечкахъ — она понравилась Нестерову, который былъ „достаточно счастливъ и веселъ“ и первый протинулъ руку. Дѣвшка подала свою, и авторъ польки съ удовольствіемъ пожалъ пухлую ручку.

— А вами у насъ везеть, размѣялся Судейкинъ.

— Ужъ не говорите лучше!

— Ты про что, Макся? полюбопытствовала жена.

— Видишъ, дружокъ: недавно Фалинъ чуть въ любви не объяснился Ивану Ивановичу за его вальсъ. А теперь вотъ барышня со вздохомъ вспомнила про чудную музыку того, кто среди насъ.

Максимъ Максимовичъ старался придать своему тону шутливый характеръ.

Мать Жени съ ногъ до головы окунула про-

ницательнымъ взглядомъ „питеряка“, одобрила мысленно и фигуру, и костюмъ и произнесла медленно, отчеканивая слова:

— Это должно лѣстить самолюбію м-съ Нестерова.

— О, конечно, поспѣшилъ согласиться Иванъ Ивановичъ.

Случайно ему пришло сѣсть рядомъ съ Чекаловой и вступить въ разговоръ. Не прошло и пятнадцати минутъ, какъ она уже знала, что онъ холостой, служитъ тамъ-то, имѣть сбереженія и пр. Все это еще болѣе подняло въ ея глазахъ „извѣстнаго композитора“, и она нашла нужнымъ высказать ему и свое одобрение.

— И ви, и вы еще, шутливо испугался онъ. — Ради Бога, не захваливайте, а то я совсѣмъ зазнаюсь.

— Всякому свое. Вы не подумайте, что я лѣщу: о, я врагъ всякой лести... Но моя Жени... я должна сказать вами, что она у меня хорошо воспитана, любить музыку и играетъ очень недурно...

— Ахъ, что вы, мамаша! заявила протестъ дѣвшка.

— Что же, мой ангель? я говорю правду... Да чего лучше... Иванъ Ивановичъ! вы, какъ зна-токъ и настоящій пѣнитель, будьте судью! Мне бы тѣхъ хотѣлось слышать ваше мнѣніе... Женичка, сыграй, дружокъ, что-нибудь!

— Мамаша!

— Ну, полно, не стѣсняйся!.. Иванъ Ивановичъ, вамъ не будетъ непрѣятно?

— Шомилуйте, сударыня! Я съ большимъ удовольствіемъ.

— Ну, Женичка, полно-же, садись.

— Только не ихъ сочиненія, мамаша! Я другое что-нибудь сыграю, рѣшительно заявила дѣвшка.

— Почему-же, милочка?

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша!

— И прекрасно сдѣлаете, вѣмѣлся авторъ: — мнѣ самому наскучило свое, и я съ удовольствіемъ послушаю что-нибудь другое въ вашемъ прелестномъ исполненіи.

— Не торопитесь хвалить, томно закатывая глазки, возразила барышня, но въ тоѣ звучала полна самоувѣренности.

— Я не сомнѣваюсь, сказала Иванъ Ивановичъ, пододвигая къ дѣвшкѣ стулъ и за-тѣмъ открывая рояль.

Лицо Жени приняло серьезное выраженіе. Она подумала съ секундой и начала „Молитву дѣвы“, причемъ сразу обнаружила неправильную постановку рукъ, технику настолько не выработанную, что ноты смазывались. При переходѣ въ басы, во второй половинѣ пѣсни, музыкантша сдѣлала ненужную большую паузу, а далѣйшій игрѣ придала такой плачевный тонъ, что Иванъ Ивановичъ, находившійся въ очень веселомъ настроеніи, чутъ не покатился со смѣха. Пѣсня окончилась такимъ каскадомъ, безпзорично-сыпавшихся звуковъ, что гость испугался за цѣлостъ своей барабанной перепонки.

„Господи, вотъ городъ“, невольно подумалъ онъ. — Всѣ здѣшніе музыканты хотятъ взять, если не талантъ, такъ силой, тутъя клавиши, какъ московскій купецъ свою благовѣрную“. Жени кончила и отошла къ окну.

— Что скажете? поспѣшилъ спросила Чекалова. — Не правда-ли, игра чистая и сильная?

— О, очень сильная! Въ этомъ отношеніи Евгения Николаевна можетъ сравниться только съ Рубинштейномъ (конечно, съ болотинскимъ, хотѣлъ было онъ добавить, но удержался).

— Вотъ видишь, вотъ видишь! воскликнула Чекалова, обращаясь къ дочери: — я тебѣ говорила... Вообразите, отнеслась она снова къ Нестерову: — здѣсь есть одинъ музыкантъ, такъ себѣ... но онъ очень много воображаетъ, потому что ему покровительствуютъ сильные мѣра...

— Вы, должно быть, о Тобольскомъ? сказала Нестеровъ.

— Да, а вы развѣ его знаете? удивилась Чекалова.

— Имѣю удовольствіе. Онъ вчера игралъ у моего пріятеля Орлова.

— Это вѣрѣ пріятель? я его знаю. Такъ вы говорите, у него игралъ Тобольский? что же именно?

— Свое новое сочиненіе.

— Воображаю, что за чепуха! Ну, да Богъ съ нимъ. Всякій можетъ думать о себѣ, что ему угодно. Но нѣтъ, какова его дерзота: онъ говоритъ, что Жени совсѣмъ не умѣетъ играть, что ей нужно еще начать съ азбуки... а? Каково!

Иванъ Ивановичъ только пожалъ плечами.

(Продолженіе будетъ.)

Поѣзда по Закаспійской области.

(Окончаніе.)

H аступилъ и день выѣзда нашего въ Асхабадъ. Все утро 7-го мая посыпано было сборомъ и отдачѣ нѣкоторыхъ распоряженій въ виду нашего отѣзда изъ Мерва.

Послѣ раннаго обѣда, простившись съ войсками, главноначальствующій выѣхалъ въ обратный путь, сопровождаемый начальникомъ округа, ханами, почетными людьми и мѣрвскими джигитами: все они, откланявшись князю на мѣстѣ первого почдѣта, были отпущенны назадъ. Обратное движеніе наше къ Асхабаду совершилось уже не върхомъ, а, такъ сказать, въ экипажахъ: князь Жакъ въ коляскѣ генерала Комарова, свита же — на полковыхъ фургонахъ, причемъ ей пришлось удостовѣряться, что этотъ способъ передвиженія не принадлежитъ къ числу удобныхъ, по крайней мѣрѣ, для сообщенія съ Мервомъ. Обратная поѣзда наша съ почлегами въ тѣхъ же пунктахъ, какъ и въ передній путь, но уже безъ дневокъ, заняла восемь дней: главноначальствующій съ начальникомъ областіи прибылъ въ Асхабадъ 13-го мая вечеромъ, а свита — на слѣдующій день утромъ.

Въ Асхабадѣ князь пробылъ болѣе сутокъ для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ по Закаспійской области и принятия персидскаго сановника, присланного его величествомъ шахомъ для привѣтствованія отъ его имени главноначальствующему по случаю посыпнѣя имъ пограничной съ Персією области. 15-го мая, въ 11 часовъ утра, сертипъ первой степени, мирана Маасумъ-ханъ, былъ принятъ главноначальствующемъ въ присутствіи генераловъ Комарова и Шенелева и, передавъ отъ имени шаха привѣтствіе, вручилъ князю и письмо отъ хорасанскаго намѣстника, брата его величества. Мирана Маасумъ-ханъ служитъ въ персидскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и занимаетъ нынѣ должность кяргюзара Хорасана и Систана; онъ болѣе говоритъ по французски и понимаетъ русскій языкъ. Въ честь персидскаго посланца былъ вслѣдъ затѣмъ данъ обѣдъ, на которомъ присутствовали военные и гражданскіе чины, находившіеся въ Асхабадѣ.

Послѣ обѣда главноначальствующій простился со всѣми присутствовавшими и въ дорожномъ экипажѣ отправился къ начальнику Закаспійской области, которому выразилъ искреннюю признательность за то прекрасное состояніе, въ которомъ найдено было все осмотрѣнное въ краѣ, въ особенности за успѣхи, достигнутые въ короткое время генераломъ Комаровымъ въ установлѣніи полнаго спокойствія и безопасности въ странѣ послѣ присоединенія Мерва; это служитъ лучшимъ доказательствомъ разумнаго отношенія администраціи къ населенію и добрѣ, которое оно сумѣло внушить къ себѣ со стороны людей, еще такъ недавно бывшихъ страшнымъ бичемъ для своихъ соцѣдѣй. Поблагодаривъ также отъ души любезную семью А. В. Комарова, среди которой вѣнчалъ самыи добрый, ласковый прѣйтъ, мы выѣхали изъ Асхабада и 17-го мая утромъ были уже на берегу Михайловскаго залива, гдѣ насыпалъ пароходъ.

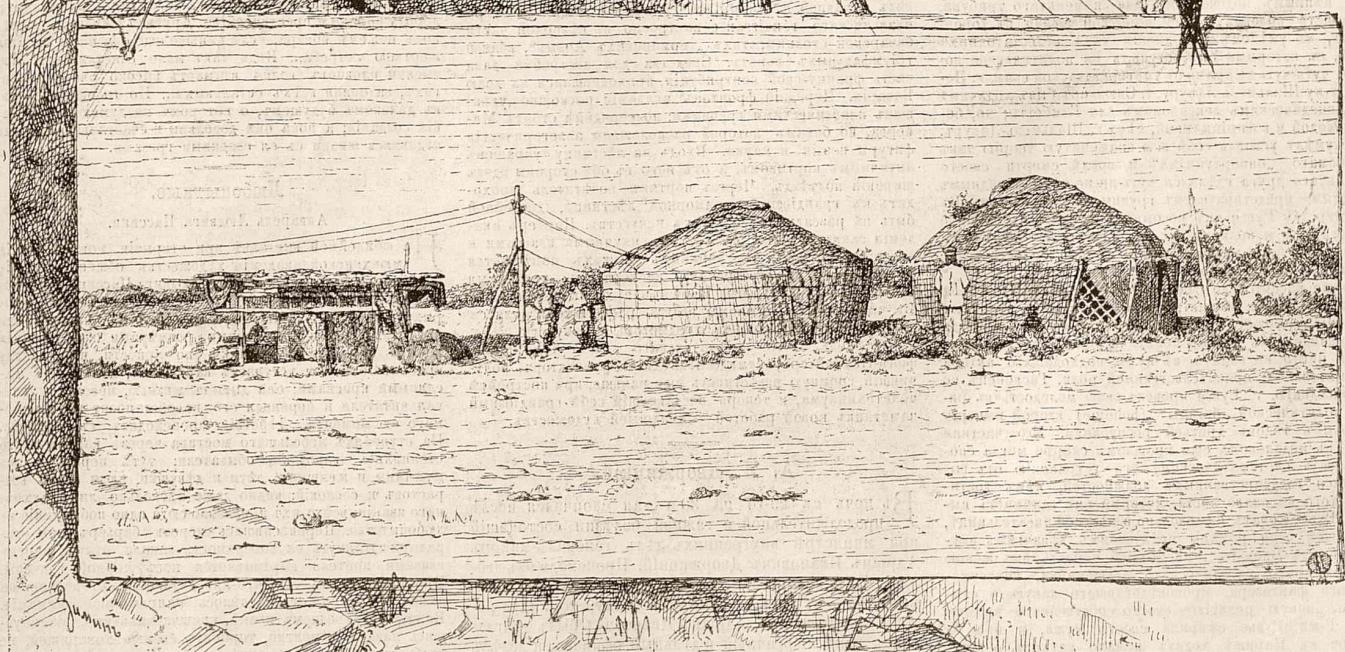
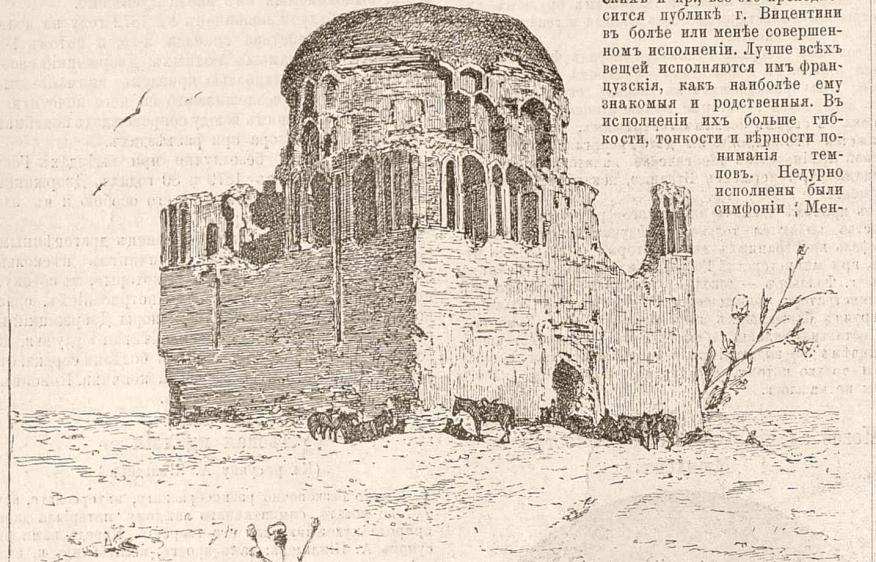
Переѣздъ моремъ былъ на этотъ разъ какъ пельза болѣе удачнымъ. Въ Баку, куда прибыли 18-го числа, въ два часа пополудни, главноначальствующій оставался до вечера слѣдующаго дня; во время пребыванія своего здѣсь, его сіѣтельство принимало доклады губернатора, городскаго головы, пограничного комисара нашего съ Персією и бесѣдовало съ представителями нефтепромышленности о ея нуждахъ. Въ восемь часовъ вечера мы сѣли въ экстрѣнныій поѣздъ, который 20-го мая доставилъ насъ въ Тифлисъ въ часъ съ половиною дня.

Заканчивая наши замѣтки, позвольтъ себѣ высказать наше мнѣніе, что настоящее посыпнѣе Закаспійской области произвѣло на насъ несравненно болѣе выгодное объ этомъ краѣ впечатлѣніе, чѣмъ то, которое мы ожидали, и что съ устройствомъ въ немъ удобныхъ и быстрыхъ путей сообщенія, преимущественно съ Хорасаномъ, а также съ затратою нѣкоторыхъ средствъ на возобновленіе прежней прѣргаціонной системы въ теджинскомъ и мѣрвскомъ оазисахъ, мысѣнности эти могутъ расчитывать на возрожденіе ихъ прежнаго культурнаго состоянія и до извѣстной степени окунуть издергки правительства на управлѣніе ими.

Лѣтопись искусствъ, театра и музыки.

С.-петербургская музыкальная хроника. Въ Павловскѣ съ самаго начала лѣтнаго сезона по пятницамъ даются

симфонические вечера, посвященные болѣе серьезнымъ произведениямъ и даже классическимъ. Симфоніи, увертюры Бетховена, Моцарта, симфоніи Мендельсона, Шумана, пѣла масса французскихъ произведений, исключительно русскихъ и пр., все это преподносится публикѣ г. Видимо въ болѣе или менѣе совершенномъ исполненіи. Лучше всѣхъ вещей исполняются изъ французскія, какъ наиболѣе ему знакомы и родственныя. Въ исполненіи ихъ больше гибкости, тонкости и вѣрности пониманія темповъ. Недурно исполнены были симфоніи Мен-

СТОЛОЧНЫЙ ОБОСУДИО ВЪ КАЗАХСТАНѢ.

Типы переселенцевъ.

дельсона, Бетховена, Моцарта, но довольно слабо проца въ послѣднемъ симфоническомъ концертѣ симфоніи В.-диг Шумана. Главный недостатокъ передачи заключался въ замедленіи темповъ всѣхъ ея частей. Всякій композиторъ, разумѣется, много теряетъ отъ неѣтрной скорости, сообщаемой его произведеніямъ, но Шуманъ — этотъ крайне живой талантъ — въ особенности блѣднѣетъ, разъ вы отнимете свойственныя ему движения. Вообще, къ симфоническимъ концертамъ наша публика привыкаетъ уваженіе, она со вниманіемъ слушаетъ исполненіе и съ горячкою благодарностью относится къ исполнителямъ. Сезонъ въ Павловскѣ въ іюнѣ ожидалъ, вѣжливъ все болѣе и болѣе теряя пустынній характеръ, да и публика какъ-то стала внимательнѣе.

Въ „Акваріумѣ“ съ прошлой недѣли начались тоже симфонические концерты по средамъ. О нихъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Повседневные же концерты, подъ управлѣніемъ г. Энгеля, не отличаются особенной новизной программы, иногда же заигранными и, такъ сказать, навязанными въ ушахъ пѣсей положительно ихъ портятъ. Оркестръ, составленный изъ прекрасныхъ артистовъ, от-